

Николай Потапов

ЛЕТЧИЦЫ

ЛЮДИ В ПОГОНАХ

Николай Иванович Потапов

Летчицы. Люди в погонах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958931

Летчицы. Люди в погонах. Повести/ Потапов Н. И.: Издательский дом

«Сказочная дорога»; Москва; 2014

ISBN 978-5-4329-0040-1

Аннотация

В книгу вошли две остросюжетные повести. Одна из них посвящена легендарным летчицам Великой Отечественной. На боевые задания девушки летали ежедневно, часто совершали по два вылета в сутки! Уставали, но молодость брала свое. Они любили и были любимы! В повести детально нарисованы картины воздушных боев, созданы яркие характеры этих удивительных женщин, переживших драматические события своей жизни – и победивших!..

Повесть «Люди в погонах» – о том же времени, о страстной и искренней любви. Но одно, казалось бы, рядовое событие на фронте повлияло на всю последующую жизнь главных героев. Что они пережили? Как сложилась их судьба? Мы невольно погружаемся в атмосферу тех драматических лет и не можем остаться равнодушными...

Содержание

Летчицы	5
Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	57
Глава четвертая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Николай Потапов

Летчицы. Люди в погонах

*Посвящается советским летчицам,
мужественно воевавшим в годы Великой
Отечественной войны против немецко-фашистских
захватчиков, защищая свободу и независимость
Родины.*

Летчицы

Глава первая

1

Пожалуй, еще никогда командир полка майор Макаров не был так строг и придирчив, как сегодня. Обходя строй летчиц, он тщательно проверял у них полетную документацию, снаряжение, обмундирование.

Макаров не был новичком в авиации, имел он и немалый боевой опыт, а такой частью ему пришлось командовать впервые. Летный и технический состав бомбардировочного авиационного полка состоял почти из одних женщин. Свое назначение в эту часть он воспринял, признаться, без особого энтузиазма, знал, командовать полком, где сотни женщин, в боевой обстановке будет нелегко.

Он пристально вглядывался в лица женщин, расспрашивал о подготовке к полетам, настроении, интересовался знанием воздушной и наземной обстановки в районе предстоящих боевых действий. Ответы были точными, четкими. И все-таки беспокойство не покидало его. Как они поведут се-

бя в полете на боевом задании? Хватит ли воли, мастерства, мужества? Не смалодушничают ли, когда самолет попадет под огонь зенитной артиллерии или истребительной авиации противника? Вот о чем думал Макаров, шагая вдоль строя летчиц.

Остановился напротив Нади Басовой.

– Лейтенант Басова, второе звено, первая эскадрилья, – бодро отрапортовала она.

– Как себя чувствуете, товарищ Басова?

– Отлично, товарищ майор! Экипаж здоров, самолет в порядке.

– А настроение?

– Настроение боевое. На фронт ведь прибыли... – и она лукаво повела своими карими глазами.

Макаров нахмурился: «Глазки строит! Этого еще не хватало! Губы, брови подкрашивает. Вот так боевой летчик!»

Не раз он видел ее в кругу девушек с гитарой, когда еще был в учебном полку.

Вспомнив об этом, спросил:

– Гитару тоже с собой привезла?

Надя поправила шапку, смущенно ответила:

– Привезла. Без гитары, товарищ командир, скучно. А от скуки, говорят, раньше времени старятся. Но стареть нам еще рановато, – вздохнула она, и по ее смуглому лицу скользнула игривая улыбка.

– Веселитесь. Только летчиков из соседнего полка осо-

бенно не увлекайте. В «штопор» не вводите, – погрозил он пальцем, сдерживая улыбку.

– Хороший летчик, товарищ майор, из любого положения самолет выведет, – ответила она под дружный хохот девушек.

«Смелая и на язык, видно, бойкая, – подумал Макаров. – Посмотрим, как поведешь себя в воздухе». Он подошел к Ольге Голубкиной.

– лейтенант Голубкина, второе звено, первая эскадрилья, – представилась она.

– Экипаж здоров, товарищ Голубкина?

– Все в порядке, товарищ майор, к полетам готовы.

– Кто у вас штурманом?

Из-за Олиной спины раздался тонкий девичий голосок:

– Штурман самолета Аня Высотина.

– Аня Высотина, говорите? – не сдержавшись, улыбнулся Макаров, и вслед за ним засмеялись стоявшие поблизости девушки.

– Ой, извините... Штурман самолета младший лейтенант Высотина, – смутившись, поправилась она.

Ольга посторонилась, и Макаров увидел маленькую щупленькую девушку, утопавшую в унтах и меховом комбинезоне (ей так и не смогли подобрать обмундирование по росту). Аня неуклюже повернулась, хотела выйти из строя, но зацепилась за планшет Ольги, чуть не у пала, и Макаров, чтобы не рассмеяться, отвернулся, спрятал лицо в меховой ворот-

ник куртки, подозвал рукой начштаба.

– Обмундирование Высотиной надо подобрать. Если на складе нет нужного размера, то перешить этот комбинезон, но подогнать по росту. Распорядитесь, пожалуйста.

Начштаба, высокая стройная женщина, хотела что-то ему сказать, но Макаров повернулся к Ане, мягко спросил:

– Как считаете, ваш экипаж к полетам на боевое задание подготовлен?

– Угу, – ответила она.

– Что «угу»?

– Ой, простите... Так точно! Подготовлен!

– Вы, кажется, с третьего курса физмата?

– Угу... С третьего. После войны закончу, – заявила она уверенно.

«Ну и войско, – снова мелькнула в голове Макарова тревожная мысль. – Как будем воевать?»

После построения летный состав собрали в землянке. Макаров поставил перед экипажами первую боевую задачу. Штурманы, разложив на столах полетные карты, находили названные командиром полка населенные пункты, прокладывали маршрут полета.

Аня быстро отыскивала нужные пункты, обвела их красным кружочком, соединила жирной чертой. Измерив линейкой расстояние от аэродрома до цели и обратно, рассчитала время пребывания самолета в воздухе, занесла все данные в боржурнал.

Довольная своей работой, она уже собиралась уложить карту в планшет, как вдруг с потолка землянки отвалился отсыревший кусок глины и упал прямо на ее карту и бортжурнал. Аня испуганно вскрикнула и отскочила в сторону, словно от мины. В землянке раздался дружный хохот женщин. Они смеялись и над растерянностью Ани, и над тем, как она проворно отскочила в сторону, и над залепленной куском глины картой, и просто оттого, что все они испытывали внутренний душевный подъем, получив первую боевую задачу, и, волнуясь при этом, как и все, кто впервые попадал на фронт, старались скрыть свое волнение в этом, так кстати возникшем веселом хохоте.

Но Ане было не до смеха. Ей пришлось получить новую карту и бортжурнал. Однако проделать всю работу заново она не успела, так как экипажи отправили на стоянку.

У самолета Аню ожидала новая неприятность. Штурман эскадрильи, проверив у нее документацию и обнаружив неподготовленными карту, бортжурнал, строго сказала:

– Ваш экипаж от вылета отстраняю как неподготовленный.

– Товарищ старший лейтенант, я сейчас, быстро, – виновато проговорила Аня. – Вы же знаете... глина...

– Я ничего не знаю и знать не хочу! – сухо отрезала женщина. – Я вижу одно: к полету вы не готовы. Карта не подготовлена, бортжурнал не заполнен.

– Да через десять минут все будет сделано!

– Хорошо, через десять минут проверю, – согласилась она и направилась к следующему самолету.

Подвернув рукава куртки, Аня разложила на техническом ящике карту, сбросила с рук перчатки и, ежась от холода, стала проворно орудовать линейкой, карандашом, прокладывая маршрут.

Аня никогда не думала о военной профессии, готовилась стать учительницей. И была бы, конечно, удивлена, если бы однажды ей, студентке физико-математического факультета, сказали, что скоро она поступит на военную службу, станет штурманом. В первые дни Аня относилась к занятиям по штурманской подготовке с некоторым пренебрежением, считая, что освоит все легко и быстро. Но чем обстоятельнее изучала она штурманское дело, тем больше менялось у нее мнение о профессии штурмана. «Штурман – это ум экипажа, – говорила она теперь летчицам. – Штурман ведет самолет по маршруту».

Пока Аня готовила расчеты, Ольга провела предполетный осмотр самолета, проверила заправку горючим, расписалась в формуляре о приеме машины.

– Молодец, Галя, «пешечка» наша (самолет ПЕ-2 они ласково называли «пешечка») в отличном состоянии, – похвалила она техника, круглолицую, раскрасневшуюся на морозе девушку. – Жалко, если зенитки наделают в ней пробоин. – Лишь бы вас не зацепили, а пробоины залатаем. – Фашистам сейчас не до нас. У них под Сталинградом

свои проблемы. Думают, как бы из окружения вырваться, – подала голос Аня.

– Вчера в соседнем полку два самолета сбили, – сообщила Галя.

– Сами на зенитки напоролись. Опасность чувствовать надо, Галя, чувствовать и вовремя уходить от нее, – подмигнула ей Аня.

– Если бы знать, где упасть... – вздохнула Галя.

– Это верно. Если бы все знать да предвидеть... – глухо проговорила Ольга и помрачнела. – Вот что, дорогая, приготовьте нам тут еще бомбочек для очередного вылета.

Галя удивленно вскинула брови, покосилась на Ольгу.

– Ты на меня не косись. Я этот день ждала долго. Ох, как долго!.. И хочу, чтобы он запомнился.

Галя потуже надвинула шапку, стала расчехлять моторы.

Ольга крикнула штурману:

– Аннушка, закрывай свой планшет, надевай парашют. Скоро вылет.

Аня торопливо собрала с ящика карту, бортжурнал, таблицы, уложила все в планшет и, тяжело переставляя унты, двинулась к самолету.

Штурман эскадрильи проверила у нее карту, бортжурнал и, оставшись довольной, дружески посоветовала:

– В воздухе будь повнимательней, делай все спокойно, без спешки. Смотри за действиями ведущего звена.

Когда она ушла, Ольга посмотрела на Аню, весело сказа-

ла:

– Ну, штурман, выводи на цель точно, бомби метко... Ольга была в том приподнято-возбужденном состоянии, в каком обычно находятся люди перед первым боевым вылетом. Они еще не представляли себе всего того, что связано с боевыми полетами, не испытали ни огня зениток, ни атак истребителей. Для них все было впервые.

С командного пункта поднялась зеленая ракета. Это был сигнал к вылету. Аэродром заполнился гулом моторов. Взметая винтами снежную пыль, ПЕ-2 уходили в воздух.

Ольга заняла место левого ведомого и, наблюдая за ведущим звена, строго держалась в строю. Шли с набором высоты. Серые облака плотно закрывали небо, небольшая сизая дымка размывала горизонт.

Сложны и многообразны обязанности штурмана в полете: измерить угол сноса, определить направление и скорость ветра, рассчитать прицельные данные для бомбометания, сличать карту с местностью, чтобы не допустить отклонения самолета от линии заданного пути, вести наблюдение за воздухом, чтобы не подкрался внезапно истребитель противника.

Аня металась в кабине, стараясь все выполнить как можно лучше. Она вспотела. Меховой шлемофон неприятно лип к лицу, шерстяной свитер тер шею, ноги в унтах «горели». Аня даже позавидовала Ольге: «Сидит себе спокойненько, по сторонам поглядывает. А тут вся спина взмокла».

– Сколько осталось времени до цели? – услышала она голос Ольги.

Аня оторвалась от прицела, посмотрела на карту, часы.

– До цели пять минут... – сказала и вздрогнула: «Скоро цель. Не учебный полигон за Волгой, а позиции врага».

– Усилить наблюдение за воздухом, приготовиться к бомбометанию! – приказала Ольга экипажу.

Услышав команду, Аня растерялась. Тот стройный порядок работы с оборудованием в воздухе, который она четко представляла себе до этого, стал почему-то вдруг забываться. Мысли в голове путались, руки дрожали. А тут еще ударили зенитки: впереди самолетов появились белые шапки разрывов.

Ведущий звена стал маневрировать по высоте и курсу. Ольга повторяла все его движения, старалась держаться в строю. Цель приближалась, Ольга открыла бомболюки.

Аня не спускала глаз с ведущего самолета, и когда с него стали падать бомбы, она тоже нажала на кнопку сброса бомб. Но бомбы не упали, продолжали висеть в бомболюках.

– Бросай! – крикнула Ольга, повернувшись к Ане. (Штурман в кабине ПЕ-2 сидит позади летчика.)

Аня изо всех сил давила на кнопку, но бомбы не падали. Аня похолодела. Только сейчас она вспомнила, что не включила электросбрасыватель в сеть, поэтому он не сработал. Доложила об этом Ольге. «Господи... Стыд-то какой! Первый боевой вылет – и опозорилась...»

Ольга еле сдерживала негодование. Увидев на глазах Ани слезы, в сердцах сказала:

– Перестань хныкать! Будем делать повторный заход. Одни. Понятно?

Аня согласно кивала головой, растирая маленькими ладошками по щекам слезы.

Ольга выполнила повторный заход, легла на боевой курс. Зенитки молчали. Там, на земле, бушевало пламя огня: удар бомбардировщиков был метким.

Аня уткнулась в прицел, стала наводить самолет на цель, подавая команды летчице на доворот по курсу, и когда перекрестие сетки прицела наползло на горящую железнодорожную станцию, она со злобой нажала на кнопку сброса. Бомбы полетели вниз...

На аэродроме волновались. Командир полка строго допрашивал ведущего звена, в составе которого был экипаж Голубкиной.

– До цели шли вместе, а вот после бомбометания я их не видела, – смущенно отвечала женщина.

Люди строили разные предположения. Самолет могли сбить зенитки, истребители... Да мало ли неприятностей подстерегает экипаж в воздухе! И все же никому не хотелось верить в трагический исход. Это был первый боевой вылет полка, и все хотели, чтобы он прошел успешно.

Мрачным ходил Макаров по кабинету: «Опасения, кажется, начинают сбываться».

Но вот послышался знакомый рокот мотора. Над лесом показался силуэт «пешки». Самолет, снижаясь, приземлился у выложенного на снегу посадочного знака. Экипаж срочно вызвали на командный пункт.

– Ну все, Аннушка, отлетались, – подавленным голосом проговорила Ольга, – сейчас командир полка вынесет нам с тобой суровый приговор.

– Ты тут ни при чем! Во всем виновата я! – всхлипывала Аня, досаду на себя за допущенную оплошность.

На КП Ольга подробно, ничего не скрывая, доложила Макарову о выполнении задания.

– Почему остались одни, почему не вернулись домой вместе с полком? – спросил он строго.

– Мы не могли вернуться, не выполнив боевого задания, – ответила Ольга.

– Вас могли сбить! Одни над целью... Зачем рисковать? – продолжал возмущаться Макаров.

– Нас могли сбить и в группе, товарищ майор. А риск? Что ж, на войне каждый вылет связан с риском.

– Прекратите разговоры! Ишь, храбрые какие... Командир был по-прежнему строг и резок, но Ольга почувствовала, что в его голосе появилась мягкость и доброжелательность. Может быть, поэтому, шагая по кабинету, он старался не смотреть на провинившихся.

Мужество, настойчивость людей в выполнении боевого задания всегда вызывают уважение. И созревшее было у него

решение отстранить экипаж от полетов как-то само по себе отпало.

«Это было бы несправедливо», – подумал Макаров, а вслух сказал:

– Будете строго наказаны. Идите, отдыхайте. Шмыгая носом, Аня в сердцах бросила на пол шлемофон, планшет, сквозь слезы заявила:

– Не буду больше летать! Не буду... В оружейники пойду. Макаров недовольно повел плечами, холодно заметил:
– Успокойтесь. И поднимите планшет, шлемофон. Они ни при чем.

Выйдя наружу, Аня расстроено проговорила:

– Все, отлеталась! Хватит с меня и этого позора...
– Виноваты и ты, и я, Аннушка, – примирительно сказала Ольга, обнимая ее.
– Ты-то при чем? – отстранилась Аня.
– Я – командир, с меня и спрос за все. И за безопасность полета, и за точность бомбометания, и за жизнь экипажа.
– Не утешай.
– Еще летаем с тобой, Аннушка. Вытри свои слезы и благодари Макарова, что не отстранил нас от полетов. Это нам наука.

– Да закружилась я, – каялась Аня. – За высотой следи, за скоростью следи, в прицел смотри, цель ищи, команды подавай... А тут еще зенитки начали стрелять...

Ольга скупно улыбнулась:

– На то и штурман в самолете. Сама говорила: штурман – это ум экипажа. Говорила?

Аня чуть поотстала, шла позади Ольги. Перекинутый через плечо планшет раскрылся, оттуда виднелась карта.

– Какой я штурман...

– Дальше пойдет лучше.

– Обидно, из-за меня тебя ругают...

– Придет время, нас похвалят.

– Ты правда веришь в меня?

– Конечно. Иначе бы я с тобой не летала.

– Ну спасибо.

На сердце у Ани потеплело.

Ольга остановилась, подождала Аню, взяла ее под руку, и они пошли вместе.

2

...Ольга проснулась рано, но встать не хотелось.

Жили они вчетвером в небольшом деревенском домике. Хозяйка дома, маленькая подвижная старушка, заботливо ухаживала за ними.

Пурга не затихала всю ночь. Комната, где спали девушки, выстыла, было холодно.

Заложив под голову руки, Ольга вслушивалась в заунывный свист ветра. Думала о доме. И снова перед глазами прошла вся ее короткая жизнь...

Вот она сидит в комнате за столом, готовится к школьным выпускным экзаменам. Вдруг открывается дверь, входит офицер в форме морского летчика.

– Виктор?! – удивленно и радостно произносит она. – Откуда ты? Неожиданно так... В отпуск?

– За тобой, Оля...

– Как за мной?

– Читай... – Виктор дает ей лист бумаги.

– Что это?

– Заявление в загс...

– Да ты рехнулся! У меня экзамены...

– Экзамены невечно. Сдашь – и свадьбу устроим.

– Это невозможно! – горячится она. – И вообще, замуж пока не собираюсь.

Виктор обнимает ее, говорит ласково:

– Увезу силой. Посажу в самолет – и на Северный флот.

Север, Север... Ольга сидит на диване в небольшой комнате, вяжет детскую шапочку. Из маленького репродуктора слышится голос диктора: «После тяжелых оборонительных боев под давлением превосходящих сил противника наши части вынуждены были оставить город Псков. В полосе Западного фронта противнику удалось прорвать оборону наших войск и своими танковыми соединениями выйти на северо-западную окраину Витебска...»

В комнату входит возбужденный Виктор, бросает на стол шлемофон.

– Можешь поздравить, голубок. Еще один фашистский транспорт на дно моря отправили.

Ольга нетерпеливо перебивает его:

– Немцы взяли Псков, подошли к Витебску...

Виктор сразу сникает:

– Прут, гады...

– Что же будет дальше, Витя?

– Прут, гады... – монотонно и тоскливо повторяет он. Помолчав, добавляет: – А что, Оля, если тебе уехать к матери?

– Нет, нет... Я останусь здесь, с тобой, – протестует она, вставая с дивана.

– Сама видишь, аэродром и город бомбят. Оставаться тут опасно.

– Нет, Витя. Мы останемся здесь. И не настаивай...

А в августе 1941-го Виктор погиб. Его подбили в море, и он направил горящий самолет в немецкий транспорт... Ольга с сыном вернулась к матери в Саратов.

Как-то раз она шла по знакомой улице. По этой улице Ольга ходила в школу, здесь она встречалась с Виктором, по этой дороге он провожал ее домой. Она знала тут каждый переулок, каждый дом, даже звонки трамваев, казалось, были знакомы. И вдруг она услышала знакомый рокот самолета. Подняв голову, увидела в небе крохотный ПО-2. Глаза ее потеплели, будто встретила старого доброго знакомого. И сразу вспомнился аэроклуб, первые самостоятельные полеты... После занятий в школе они спешили в аэроклуб. Ребя-

та раньше девушек сдали экзамены, приступили к полетам и, конечно, гордились этим, подтрунивали над девушками:

– Летать по «коробочке» вы еще сможете, а выполнить «штопор» или «петлю Нестерова» смелости не хватит. Высший пилотаж – дело мужское.

И Ольга решила доказать, что у девушек смелости хватит и на «штопор», и на «петлю Нестерова». На шестом самостоятельном полете она набрала высоту, решительно потянула ручку управления самолетом на себя. В тот же миг будто сильные руки схватили ее за плечи, стали прижимать к сиденью.

Ольга хотела поднять голову, осмотреться, но перегрузки росли, и она не смогла разогнуть шею. Самолет задира лез все круче и лез почти вертикально вверх, будто по крутой лестнице взбирался на небо. Ольга пыталась сориентироваться, но все перепуталось, и она не могла уже определить, где земля, где небо.

Самолет летел колесами вверх, а Ольга висела, привязанная к сиденью ремнями, головой вниз, растерянная, беспомощная. Ей казалось, сейчас ремни оборвутся и она камнем полетит вниз. Было жутко, удары сердца отдавались в висках. Она открыла глаза и увидела внизу зеленое поле аэродрома, посадочное «Т» из белых полотнищ...

Когда произвела посадку и вылезла из маленького двухкрылого самолета, на нее вихрем налетели ребята и девчата. Они упрекали ее в легкомыслии, грозили исключить из ком-

сомола. И только Виктор Голубкин крепко сжал ей локоть, прошептал: «Молодец, Оля». Это был ее последний полет. За воздушное хулиганство она была в тот же день отчислена из аэроклуба...

...Ольга не заметила, как прошла до конца улицы, спустилась к реке. Буксиры неторопливо тянули по Волге груженные баржи, мимо них проносились верткие, как жуки, маленькие катера. Она стояла и думала о том, как жить дальше.

«Сидеть дома в такое время... Нет, нет... Надо идти работать. На завод, в госпиталь, в больницу – куда угодно, лишь бы быть в коллективе».

Ольга вышла на аллею, по которой ходила когда-то с Виктором в аэроклуб. В груди опять тоскливо заныло, стало трудно дышать. Она остановилась.

– Оля! – неуверенно позвал кто-то.

Обернувшись, Ольга увидела небольшого роста женщину в бордовом пальто, красивом берете. Карие глаза ее радостно блестели.

– Надя! – кинулась к ней Ольга.

– Оля, Оленька! Откуда ты? Когда приехала? Почему ничего не писала? – засыпала она вопросами. – Как Виктор?

Губы Ольги дрогнули:

– Витя, Надюша, погиб. В начале августа еще...

– Прости, Оля... Не знала... – виновато проговорила Надя.

– Ну а что делаешь ты? Где работаешь? – прервав тягостное молчание, спросила Ольга.

– Работаю инструктором в аэроклубе, в том самом, где мы учились. Надоело до чертиков. Скучища жуткая. Каждый день одно и то же: взлет, зона, посадка. Взлет, зона, посадка. Курсантов учим. Умереть от тоски можно. – Помолчав, неожиданно спросила: – А тебя летать не тянет? Когда-то мечтала об авиации.

– Пока не думала, – нехотя ответила Ольга.

– Подумай... Будем вместе работать в аэроклубе. – Надя посмотрела на часы, спохватилась: – Ох, елочки зеленые! Уже пятый час! Опаздываю на полеты. Извини, Олюшка, побегу. Заходи к нам. Мы живем все там же.

Через месяц после этой встречи Ольга поступила в аэроклуб. Полеты она осваивала легко, радовалась, что скоро получит звание пилота. Но нелепый случай едва не разрушил все ее планы. Это произошло в один из зачетных полетов, когда Ольга должна была выполнять пилотаж в зоне. Самолет пробежал по взлетной полосе, оторвался от земли, начал плавно набирать высоту. Ольга посмотрела вниз. Поведение людей показалось ей странным. Они стояли, смотрели в небо, махали руками. Оказывается, на самолете оборвался трос правой лыжи, и она повисла под прямым углом к фюзеляжу¹. Ольга заметила это гораздо позже, чем люди на зем-

¹ Фюзеляж (французское fuselage, от fuseau – веретено) – в авиации корпус летательного аппарата, служащий для размещения экипажа, пассажиров, грузов и

ле, лишь тогда, когда делала очередной разворот, чтобы идти в зону. Пришлось возвращаться на аэродром. Но садиться с такой лыжей было опасно: самолет мог скапотировать², перевернуться. Ольга не знала что делать.

«Надо сбить лыжу, – мелькнула догадка, – это единственный выход. Но как?»

Тревога охватывала Ольгу все больше и больше. Время шло, горючее убывало, а она все делала заход за заходом на посадку, но садиться не решалась.

В стороне от взлетной полосы она заметила снежную горку: туда отвозили снег, очищая стоянки. Туда и повела она самолет.

«Правой стойкой о сугроб, и лыжа будет сбита... Главное, выдержать высоту. Высоту... Высоту...» – твердила она.

Стрелка высотомера ползла по циферблату, отсчитывая метры: двадцать, десять, пять... Снежная горка приближалась. Ольга чувствовала, как тело наливается свинцовой тяжестью, она ничего не видела, кроме сверкающей на солнце снежной горки. Еще мгновение – и она рванула ручку управления на себя.

Самолет взмыл кверху.

Ольга обернулась назад и увидела у сугроба сбитую лыжу. Будто гора свалилась с плеч, так стало легко, свободно, за-

оборудования; связывает между собой крыло, оперение, иногда шасси и силовую установку. Основные элементы конструкции – каркас и обшивка.

² Скапотировать (авиаци.). О самолете: при посадке удариться капотом, носом в землю.

хотелось даже петь, но во рту было сухо, и она лишь облизывала языком обветренные холодные губы.

Теперь надо было посадить самолет на одну лыжу. Такая посадка требовала от пилота немалого мастерства, выдержки, хладнокровия. Ольга повела самолет к земле с небольшим левым креном, коснулась лыжей полосы.

ПО-2 сначала бежал на одной лыже, а потеряв скорость, опустился на правую стойку и тут же круто развернулся на месте.

Люди, наблюдавшие за этой посадкой, бросились к самолету.

Выскочив из кабины, Ольга осмотрела самолет.

ПО-2 был невредим, только слегка погнулась дужка правого крыла.

Подбежали курсанты, техники.

– Посадочка – люкс! Молодец, Голубкина! – говорили они.

А Надя, обнимая Ольгу, всхлипывала:

– Я так волновалась за тебя, так волновалась!..

Только теперь, когда напряжение от полета спало, Ольга поняла, как близка была катастрофа. Ведь самолет, если бы она не сбила лыжу, мог при посадке скапотировать, загореться... Ее бросило в жар, ноги стали ватными.

– Извините, я немного отдохну... – устало проговорила она и опустилась на снег.

...Многое сейчас вспомнилось Ольге. Сбросив одеяло, она торопливо всунула ноги в унты, накинула на плечи меховую куртку.

– Вставайте, лежебоки! – затормошила она подруг. – Шесть часов уже!

Вылезали девушки из теплых постелей не спеша.

– Какой жуткий холод! – зябко повела плечами Аня. – Надо было спать в комбинезоне.

– И в унтах, – усмехнулась Вера Задорнова, штурман Басовой. – Мы все же цивилизованные люди.

– Вот что, «цивилизованные», раздеться до пояса и на кухню – умываться, – ворчливо проговорила Надя.

Аня и Вера, поеживаясь от холода, пошли на кухню, где уже плескалась у раковины Ольга. Времени утром было мало, и все же Надя успевала подкрасить ресницы, подвести брови, уложить пышные волосы. Выглядела она всегда эффектно, даже в меховом комбинезоне и унтах.

Одевшись, девушки вышли на улицу.

Порывистый ветер бросал в лицо пригоршни сухого, колючего, как иголки, снега. Они отворачивались, закрывая лицо воротником, но поземка крутила со всех сторон, от нее не спрячешься.

С трудом вытаскивая ноги из сыпучего снега, брели они

вдоль улицы к столовой.

После завтрака весь полк вышел на аэродром. Метель немного стихла, надо было расчищать самолетные стоянки, рулежные³ дорожки.

Девушки с лопатами вытянулись цепочкой по всей стоянке. На взлетной полосе ползали гусеничные тракторы, катками утрамбовывали выпавший за ночь снег.

Самолеты Голубкиной и Басовой стояли рядом, и Надя подтрунивала:

– Не отставай, Голубкина! Помогать не будем. Посмотри на своего штурмана, еле лопатой ковыряет.

Аня молчала. Маленькая и худенькая, на морозе она разругнулась, проворно орудовала лопатой, отбрасывая снег.

К обеду площадки вокруг самолетов были расчищены и походили на снежные капониры⁴.

Аня почувствовала усталость. Захотелось сесть, сбросить тяжелую куртку, унты. Но отдыхать им не пришлось. На аэродроме объявили общий сбор. Летному составу поставили боевую задачу.

И вскоре самолеты поднялись в воздух.

³ Рулѐжная дорожка (РД) – часть лѐтного поля аэродрома, соединяющая между собой элементы лѐтного поля, специально подготовленная и предназначенная для руления и буксировки воздушных судов (летательных аппаратов). Как правило, имеет искусственное покрытие (асфальт, бетон), на небольших аэродромах – грунтовое.

⁴ Капонир – стационарное или самодеятельное сооружение для укрытия самолета.

Снег прикрыл волжские степи, белое поле тянулось на сотни километров, сливаясь с небом. Кое-где на дорогах виднелись машины, танки. Над Сталинградом стояло черное облако дыма и гари. Там шли бои. Дни окруженной армии Паулюса были сочтены. Сопротивление их падало с каждым днем. Это чувствовали и экипажи самолетов. Все реже встречали они в воздухе немецкие истребители, заметно ослаб и огонь зениток.

Вскоре показался извилистый, затемненный прибрежным кустарником берег Волги. Там, внизу, находилось большое село. Над ним они развернулись, пошли на город. Самолеты легли на боевой курс. Зенитки молчали.

– Все включила? – спросила Ольга Аню и ободряюще хлопала ее по плечу.

Аня еще раз осмотрела приборный щиток, прицел. Работала спокойно, не то что в первом вылете.

Сбросив бомбы, они вместе с группой вернулись на аэродром, где узнали о капитуляции немцев под Сталинградом.

Оживленные и радостные, шли девушки на командный пункт.

Куда теперь перебросят полк?

Глава вторая

1

Стояла теплая кубанская весна. Полевой аэродром был весь усыпан цветами, словно покрыт огромным пестрым ковром.

Один за другим садились самолеты.

Зарулив на стоянку, Ольга выключила двигатели и вслед за Аней спустилась по стремянке на землю. Мягкий, настоящий на разных травах весенний воздух был свеж и чист, кружил голову. Девушки с наслаждением вдыхали пьянящий воздух, радовались весне, полевым цветам, щедро рассыпанным по всей стоянке.

После небольшого отдыха они приступили к маскировке самолетов. Авиаразведка противника действовала активно, и надо было срочно укрыть машины. Маскировали кто чем мог: обрывками сетей, свежесрубленными кустами, травой.

Ольга долго ходила вокруг самолета, присматривалась, переставляла ветки с места на место, но все получалось не так, как хотелось.

– Не маскировка – посмешище, – недовольно ворчала она, обращаясь к Ане. – Я тебя просила получить на складе маскировочную сеть.

– Рада бы, да нет их там. Одни обрывки, – и словно в оправдание повела рукой: – Смотри, все самолеты так укрыты.

Действительно, маскировочных средств не хватало. К ним подошла Надя.

– Хватит возиться! Не маскировка – обман!.. Как тот гусак: голову спрячет, а думает, что его всего не видно.

– Хорошо бы посмотреть на аэродром с высоты, – высказалась Аня. – Может, и не так уж плохо. Ведь главное – исказить конфигурацию самолетов, ввести в заблуждение разведку.

– Исказить конфигурацию! – захохотала Надя, отмахиваясь пилоткой от наседавшей мошкары. – Ну и придумаешь ты! Этими кустами исказить конфигурацию такого самолета!

К ним подошла Якубович, адъютант эскадрильи, сообщила, что начальство приняло решение: кто закончил дела, может идти в станицу.

– Жить будем в школе.

Забрав личные вещи, девушки двинулись в станицу, крыши домов которой виднелись из-за зеленого пригорка.

Когда они поднялись на этот пригорок, их взору предстала печальная картина.

Большинство домов было сожжено, сиротливо торчали черными столбами полуразрушенные печные трубы.

Они шли по узкой дороге через сожженную фашистами станицу и сердце охватывала грусть. Кое-где стояли разво-

роченные снарядами танки и машины, блестели на солнце наполненные водой воронки.

У подбитого на обочине танка копошились ребяташки. Рыжий мальчуган, забравшись в кабину водителя, старательно урчал, изображая работу мотора. Другой паренек, вихрастый и чумазый, с победным видом сидел верхом на пушке и, свесив босые ноги, громко командовал:

– По фашистским танкам прямой наводкой – огонь! У разрушенного дома понуро сидел белый как лунь старик в кожаной потертой фуражке.

– Все сгорело, все, – говорил он, обращаясь к девушкам, и рука его, когда он указывал на развалины, дрожала.

На другой стороне улицы трое мужчин возились у сруба нового дома. Молодой парень, сдвинув на затылок пилотку, лихо расправил под широким матросским ремнем голубенькую рубаху и, размахивая топором, весело воскликнул:

– Смотрите, хлопцы! К нам на подмогу солдаты идут!

– Какие же это солдаты?! Видно, после контузии ты штаны с юбкой стал путать, – съязвил его товарищ.

– Ох, пяток бы нам таких красавиц, мигом бы дом под крышу подвели, – вздохнул их третий напарник.

А девушки шли и шли, поднимая кирзовыми сапогами раскаленную на солнце серую пыль. Пыль слепила глаза, затрудняла дыхание. Подошли к школе. На площади стояли два столба с перекладиной, на которой болталось шесть веревочных концов.

– Виселица... – шепнула Аня Ольге и почувствовала, как грудь обдал неприятный холодок.

Школа была кирпичной, двухэтажной (выделялась среди разрушенных домов станицы). Разместились в классах. Аня недоверчиво посмотрела на двухъярусные нары, осторожно ощупала тонкий ватный матрац, подушку, разочарованно вздохнула.

Это заметила Надя и тут же отреагировала:

– Что, Высотина, думала, на лебяжьем пуху постель нам приготовили? Ничего, родная, на такой «перине» завтрак не проспишь, да и позвоночник искривляться не будет. Стройной будешь, что кубанская лозинка. Ложись, девочки!

Но тут раздался чей-то восторженный голос:

– Девочки! Рядом речка. Пошли купаться! Предложение это пришлось всем по душе. Сбросить с себя тяжелые кирзовые сапоги, пропотевшее платье и окунуться в прохладную воду – что может быть приятнее в такую жару?!

Девушки выскочили на улицу, побежали к реке. Река была неширокой, с пологими песчаными берегами, камышовыми зарослями.

Ольга и Надя разделись, вошли в воду, поплыли к противоположному берегу, где густо зеленел молодой камыш да распустил свои цепкие побеги прибрежный кустарник.

Выбравшись на берег, они блаженно растянулись на горячем песке. Высоко в небе беспечно заливались жаворонки.

И вдруг с того берега до них долетел женский голос:

– Девчата! Боевая тревога!

Приподнявшись, Ольга увидела девушку с повязкой на рукаве.

– Что там случилось? – спросила сонным голосом Надя, переворачиваясь на другой бок.

– Кажется, боевая тревога... – неуверенно проговорила Ольга.

А на том берегу поднялся настоящий переполох. Девушки натягивали на себя комбинезоны, надевали сапоги, бежали к школе.

Ольга и Надя, переплыв речку, быстро оделись, бросились к школе, чтобы забрать оставленные там планшеты, противогазы...

Макаров стоял у КП, опустив голову, выслушивал упреки командира дивизии. Он готов был провалиться сквозь землю.

«Как можно было допустить такую оплошность?! – про себя возмутился он нераспорядительностью своих замов. Улетая в штаб дивизии, он дал им четкие указания и по маскировке самолетов, и по оборудованию стоянок. – Да и я тоже хорош! Надо было не в штаб дивизии лететь с боевым расчетом (туда можно было бы послать и начальника штаба), а руководить полком здесь», – осуждал он теперь себя.

Макаров почувствовал неладное еще в воздухе, когда летел на ПО-2 с генералом и увидел в реке купающихся девушек.

– Твои, Макаров, наверное, речку осваивают, – заметил комдив с иронией.

Макаров ничего ему не ответил. Молчал он и сейчас, выслушивая замечания генерала.

– Что за беспечность, товарищ майор? Полк только что сел на полевой аэродром, укрытий для самолетов нет, стоянки не оборудованы, машины не замаскированы, а командование отпустило людей на отдых. Вот уже прошло сорок минут, как объявлена боевая тревога, а летного состава все нет. Как вы собираетесь воевать при такой организации? Я вас серьезно предупреждаю, товарищ Макаров.

В душе Макаров соглашался с комдивом. «Что тут скажешь в оправдание? Все верно».

Вдалеке показались девушки. Группами и в одиночку бежали они через летное поле к самолетам.

По лицу Веры Задорновой тонкими струйками стекал пот, всю дорогу она ворчала:

– Чего нас гоняют, как новичков, с аэродрома домой и обратно? Или мы не офицеры, не понимаем что такое боеготовность?

Гимнастерка на ней взмокла и почернела на лопатках. Дышала она тяжело, словно рыба, выброшенная на берег.

Ольга тоже еле держалась на ногах.

Прислонившись к фюзеляжу «пешки», устало проговорила:

– Вот это кросс! Вот это покупались! Как, Аня, сердце на

месте?

– Мне-то что, я ведь легкая. Меня ветер сам несет, только ноги успеваю переставлять, – улыбнулась Аня и схватилась за голову.

– Ты чего? – с недоумением посмотрела на нее Ольга.

– Как я полечу? У меня нет шлемофона...

– А где же он? – опешила Ольга.

– В школе забыла.

– Ну, знаешь! – Ольга хотела выругать ее, но, увидев, что Аня и сама переживает, стоит бледная, растерянная, смягчилась. – Молчи. Об этом никому. Иначе нам отменят вылет. Достанем тебе шлемофон у радистов.

У самолетов суетились оружейники, подвешивали бомбы. Им помогал Петр – рослый, плечистый стрелок-радист Голубкиной. О его физической силе знали многие, и оружейники добивались с ним дружбы. Он брал руками «сотку»⁵ и без лебедки вешал ее на бомбодержатель.

Вот и сейчас к нему подбежала Надя.

– Петя, милый, помоги подвесить бомбочки. Совсем мои бабоньки запарились. Помоги, расцелуем тебя после вылета.

Петр улыбнулся, расставил руки:

– Целуйте сейчас, иначе...

Надя не дала ему договорить, потащила за рукав к самолету.

Поступила команда запускать двигатели. Аня совсем при-

⁵ «Сотка» – авиабомба весом 100 кг.

горюнилась. Она надеялась, что боевая тревога закончится лишь сбором и проверкой людей, а тут – запускать двигатели. Ругая себя, полезла в кабину. Шлемофон ей так и не достали.

В других экипажах тоже не все было в порядке: кто забыл в школе планшет, кто полетную карту, кто шлемофон. Но все скрывали это. И, конечно, многие облегченно вздохнули, когда передали через дежурных, чтобы летный состав собрался у КП полка.

Прежней веселости у девушек не было. Стояли грустные, стыдливо прятали глаза.

Генерал почувствовал перемену в настроении летчиц, хотел сказать им теплые слова, но в последнюю секунду подумал: «Расслабленность, попустительство на фронте только вредят делу» и с огорчением сказал:

– Мне стыдно за вас, товарищи офицеры. Обстановка на фронте сложная. Фашисты хотят любой ценой удержать Тамань. Их авиация действует активно. В любую минуту могут нанести удар по вашему аэродрому. А как поступили вы? – Генерал внимательно оглядел притихший строй, словно желал еще раз убедиться, что девушки поняли, насколько серьезна обстановка, и строго закончил: – Самолеты рассредоточить и замаскировать, организовать на аэродроме круглосуточное дежурство стрелков на пулеметных точках, всем находиться у самолетов, быть готовыми к вылету.

И снова закипела работа.

Появились маскировочные сети, прибыли машины со свежим лозняком и ельником. Тракторы рассредоточивали самолеты по аэродрому. Девушки лопатами очищали полуразрушенные капониры, засыпали землей воронки на стоянках и рулежных дорожках.

К вечеру аэродром неузнаваемо преобразился: самолеты были рассредоточены и замаскированы, боеприпасы сложены в укрытия, выставлены наблюдательные посты, организована дежурная служба, оборудованы траншеи.

Аня отбросила лопату, устало тряхнула льняными кудряшками.

– Не могу больше! Если сейчас же не накормят – умру. Страсть как хочется есть. Пора бы и на ужин позвать. Или в столовой думают, что мы воздухом сыты?

Ольга слабо улыбнулась. У нее тоже неприятно сосало под ложечкой.

– Пойди к Задорновой. У нее всегда есть что-нибудь в запасе. Только она может спасти тебя от голодной смерти, – посоветовала она шутливо.

Аня посмотрела на стоянку соседей и ахнула: Вера угощала Надю белым хлебом и копченой колбасой.

– Вот толстушка запасливая! – завистливо проговорила Аня и крикнула: – К вашей компании присоединиться можно?

– Спешу, а то опоздаешь, – в тон ей ответила Надя. – Все съедим.

Но тут по стоянке проехала легковушка, дежурная по штабу приглашала всех на ужин. Походную кухню окружили плотным кольцом. Получив порцию гречневой каши и кусок отварной свинины, девушки расселись на траве, поджав под себя ноги. От гречневой каши исходил такой аромат, что у Ани закружилась голова. Никогда каша не была такой вкусной, как сегодня. Аня съела кашу, мясо, пошла за добавкой.

– Ну и аппетит у тебя! Ешь, ешь, а все тонкая, как жердь, – проговорила с усмешкой Вера.

– Решила все-таки тебя догнать, – бросила на ходу Аня.

И быть бы тут веселой перебранке, но в этот момент на аэродроме раздалась сухие отрывистые хлопки зениток. Завыла сирена.

– Летят! Смотрите, летят! – закричала Аня, указывая на сверкающие в вечернем небе темные точки самолетов.

Раздалась команда: «Всем укрыться в траншеях!» Но люди медлили: кто доедал кашу, кто допивал чай, кто собирал свои вещи.

– Надо идти, – отставляя чашку, сказала Ольга. – Сейчас будут бомбить.

– Подожди, успеем, – остановила ее Надя, доедая кусок мяса. – Видишь, они поворачивают на станицу.

– Зачем им станица? Там бомбить нечего, – с деланным равнодушием возразила Аня, направляясь вслед за другими в укрытие.

Тем временем «юнкерсы», оглушая землю пронзитель-

ным воем, устремились вниз. Через минуту по аэродрому разнесся гул разорвавшихся бомб. Горячая волна воздуха прижала девушек к земле.

Передвигаясь по-пластунски, Надя сердито ворчала:

– Ну погодите, «лаптежники»!⁶ Доберемся мы до вас, отплатим...

Одна бомба разорвалась неподалеку от них. Воздушной волной девушек сбросило в траншею, засыпало землей. Что-то тяжелое навалилось на Ольгу. Она уперлась руками в дно окопа, рванулась, встала на колени, осмотрелась. Рядом стряхивала с себя землю Надя.

– Жива? – спросила ее Ольга.

– Жива, жива... К счастью, фриц не так меток, – тихо ответила она.

На стоянке первой эскадрильи клубился столб черного дыма.

– Самолет горит! – крикнула Ольга и побежала к самолету.

Падая в траншею, Надя ушибла колено и теперь, припадая на правую ногу, поковыляла за Ольгой. И снова – заход «юнкерсов» на аэродром.

– Так и добьют, наверное, «лаптежники», – проговорила Надя, спускаясь в траншею.

На этот раз «юнкерсы» разбросали по всей стоянке сот-

⁶ Немецкий пикировщик Ю-87. «Лаптежником» его называли за характерную форму обтекателей неубирающихся шасси.

ни маленьких зажигалок. Несколько штук упало возле девушек. Они растерянно смотрели на них, не зная что делать. А бомбочки горели, шипели, разбрасывая вокруг себя огненные искры.

Наконец Ольга вскочила, подбежала к стоявшему неподалеку пожарному щиту, схватила лопату и стала забрасывать зажигалки землей. К ней присоединились Надя, Аня, другие девушки... Измученные, грязные, подошли они к полусгоревшему самолету. Левая плоскость валялась на земле, фюзеляж был искорежен взрывной волной.

– На земле потеряли машину, – досадливо проговорила Ольга, вытирая рукавом потное лицо.

На востоке сгущались сумерки, оттуда надвигалась южная ночь. Так закончился первый день пребывания авиационного полка на Кубани.

2

Солнце выплыло из-за леса неожиданно. Небо там было только что багрово-красным, и вдруг верхушки сосен прошили золотисто-светлые лучи, вокруг стало светло.

– Люблю встречать восход... – тихо проговорила Ольга, срывая ромашки.

– И я... – вздохнула Аня. – Сидеть и смотреть, сидеть и смотреть... И ни о чем не думать...

Они сидели на берегу той самой речушки, в которой ку-

пались в первый день, и задумчиво поглядывали вдаль.

Спали они почему-то беспокойно. Рано проснулись и, чтобы не лежать в душной комнате, вышли на берег.

Новый день... Каким он будет? Чем запомнится? Люди всегда связывают с ним свои надежды. Может, этот новый день окажется более удачливым, чем прошедший, более счастливым? И то, о чем человек думал, чего хотел, чего добивался, – вдруг все это сбудется сегодня? И так всегда: новый день – новые надежды.

Утренний туман над рекой быстро таял, легкий ветерок относил белые хлопья в степь. Где-то в роще запел соловей, ему ответил второй, и вот уже, словно после пробудки, лес ожил, оглушил окрестность многоголосым хором разных птиц. И было в этом необычном утреннем «концерте» что-то волнующее, трогательное.

– Красиво как! – прошептала Аня, замороженно оглядывая лес.

В ее светло-серых глазах плескалось восторженное удивление, будто видела она все это впервые: и купающийся в золотистом солнечном дожде утренний лес, и сверкающую бисером от утренней росы густую траву, и тихую речку с отраженным в ее водах голубым безоблачным небом.

Повернувшись к Ольге, она неожиданно спросила:

– Скажи, для чего рождаются люди?

Ольга посмотрела на нее с удивлением:

– Как для чего? Чтобы жить, работать, приносить пользу

людям, обществу... А ты как думаешь?

– Я думаю... для любви, счастья... И война... Дико... Правда? – Лицо Ани сразу как-то потускнело, осунулось. – Все беды на Земле от жестокости людей. Как не хватает нам доброты, сострадания к людям!..

Солнце уже поднялось над лесом, и его косые лучи падали теперь на деревья сверху вниз.

– Сходи, разбуди Надю, – попросила Ольга. – Проспит такое утро.

Аня встала, поправила волосы, легкой походкой направилась к видневшемуся из-за кустов деревянному домику.

Летчицы жили в школе недолго. Двухэтажное здание было приметным ориентиром для немецких самолетов, и после нескольких попыток разбомбить ее экипажи разместились по сохранившимся избам станицы.

Ольга и Аня жили в домике рядом с Надей. Будить ее рано они не стали, а теперь, когда солнце уже изрядно припекало, Ольге захотелось, чтобы и Надя полюбовалась этим чудным южным утром.

Но Аня вернулась расстроенной.

– Ты знаешь, Оля, а Нади нет.

– Как нет?! – вскинула тонкие брови Ольга.

– Нет...

– Вот это да! А где же она?

– Наверное, с этим... капитаном Костенко, – холодно произнесла Аня. – Узнает начальство – устроит ей такую голо-

вомойку, долго будет помнить.

Дело в том, что на этом же аэродроме базировался еще один авиационный полк, в котором служили мужчины. Жили они в другой станице, но столовая и клуб были общими, и летчики часто виделись с девушками.

На одном из вечеров Надя познакомилась с Костенко, встречалась с ним.

Бои на Кубани шли ожесточенные, на боевое задание девушки летали ежедневно, часто – по два вылета в сутки. Конечно, уставали, но молодость брала свое: была у них и художественная самодеятельность, проводили они и вечера танцев. Где молодежь, там всегда песни, музыка, танцы. Между тем из рощи, протянувшейся вдоль речки, показались Надя и тот капитан, о котором говорила Аня. Шли они неторопливо, о чем-то оживленно рассуждали.

Когда подошли ближе, девушки услышали их разговор.

– Все, Павел! Мужчинам в станицу нельзя. Строго воспрещается, – сказала Надя.

– Ну и порядочки! – досадливо воскликнул Костенко. – Наши хлопцы по всем падежам ваше начальство склоняют за это.

Надя рассмеялась:

– С вашим братом иначе нельзя. Разреши – вы всю ночь под нашими окнами будете петь серенады. А так, запретная зона – и все.

– Да ведь война...

– А что война? Значит, все можно?..

– Я не об этом... Общение с вами нам сейчас вдвойне дороже. Около вас мы добрее, нежнее душой становимся... А так – совсем огрубеть, зачерстветь можно. Как сухарь на ветру...

Костенко нагнулся, сорвал одуванчик, подул на него, и венчики маленькими парашютиками разлетелись в разные стороны.

– Время такое, Павел. Наш командир эскадрильи говорит: любовь и свадьба после войны, а сейчас воевать должны.

– Глупости говорит ваш комэск. Любовь во все времена вдохновляла людей. Влюбленный человек и воюет смелее. По себе знаю...

– Ох, Павел, совсем утомил меня разговорами, – устало вздохнула Надя. – Дай хоть часик поспать.

Костенко ушел, а Надя стала медленно подниматься в гору.

– Эй, гулена! – окликнула ее Ольга. – А ну иди-ка сюда!

Надя вздрогнула, быстро обернулась на голос и, узнав девушек, направилась к ним.

– Вы что тут делаете? За мной шпионите? – улыбнулась она. – Шпионить – самое последнее дело.

– Когда же спать будешь? – уставилась на нее Аня. – Скоро ведь на аэродром.

– Спать надо, Аннушка, поменьше, иначе счастье свое проспичь, – томно потянулась Надя.

– Подумаешь, счастье... – фыркнула Аня. – Сегодня он здесь, а завтра – ищи в поле ветра. Счастье... Вот выдумала!..

– Ой, не зарекайся, Аннушка, – обняла ее Надя. – Никто не знает, когда придет любовь... Как в песне: любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...

– Война... Не до любви тут, – поджала губы Аня.

– Глупая ты... – Надя засмеялась, накрыла Аню курткой, свалила на траву, а сама побежала в дом.

– Вот сумасшедшая... – ворчала Аня, вставая. – От любви, видно, свихнулась...

После завтрака летный состав отправили на аэродром.

Первая эскадрилья собралась у штаба. Кто расположился на скамейке, кто – на ящиках, многие сидели на земле. На стене деревянного домика, в котором размещался штаб, висела большая карта.

Комэск, невысокая плотная женщина, водила указкой по карте, объясняла боевое задание.

Эскадрилье предстояло в составе полка нанести бомбовый удар по скоплению танков и пехоты противника в районе одной станицы.

Она рассказала о боевом порядке звеньев в воздухе, об очередности взлета экипажей. Предупредила о том, что в районе цели расположены зенитки, над станицей патрулируют истребители противника.

В заключение опросила:

– Задание ясно?

– Ясно!.. – раздались голоса.

– Как отдохнули?

– Хорошо отдохнули! – дружно ответили девушки.

– Выспались?

– Выспались... – незаметно, одними глазами, улыбнулась

Надя.

Летчицы расходились по самолетам, обсуждая детали вылета.

А через некоторое время ПЕ-2 поднялись в воздух и, собравшись в колонну эскадрилий, пошли под облаками на юго-запад.

К этому полету летный состав готовился тщательно. Изучали цели по фотоснимкам, крупномасштабным картам и четко представляли расположение их на местности.

Самолеты шли в район, где должны были встретиться с истребителями прикрытия. Но встреча не состоялась. «Яков» там не оказалось. Напрасно в эфир неслись позывные ведущей группы: «“Тросики”! “Тросики”! Я – “Резеда”, нахожусь в районе встречи».

Истребители в точку встречи так и не вышли. Бомбардировщики остались без прикрытия. Полет осложнялся. Но задание надо было выполнять. Приближалась линия фронта. Неожиданно из-за облаков вывалились «мессершмитты», с ходу обстреляли строй. Самолет Басовой шел внешним ведомым, удар пришелся на него. Атака истребителей была вне-

запной, и Надя не успела уклониться от их огня. Петр Беляев, стрелок-радист Голубкиной, припал было к пулемету, чтобы дать очередь по «мессерам», но они скрылись в облаках.

– Вот дьявол! – выругался Петр и с досады послал им вдогонку короткую очередь.

Но тут он услышал в наушниках тревожный голос Ани:

– Нас атакуют!

Петр поймал в прицел пристроившийся сзади вражеский истребитель, нажал на гашетку пулемета. «Мессер» неуклюже клюнул носом, словно споткнулся обо что-то, и круто пошел вниз. За ним потянулся шлейф черного дыма.

– А, гад, попался! – воскликнул Петр.

Но второй «мессершмитт», скрытый от стрелка стабилизатором своей «пешки», успел дать несколько очередей по самолету. В кабине остро запахло бензином. Встречный воздух гнал по плоскости тонкие струйки бензина, забрасывал их в кабину радиста.

– Товарищ командир, бак пробит! – доложил Петр.

– Знаю, – коротко ответила Ольга, а сама с тревогой следила за самолетом Нади: языки пламени, которые показались на правом моторе после атаки «мессеров», становились все ярче.

«Почему они не возвращаются домой?» – беспокоилась она.

– Басова! – вызвала она ее по радиии.

Надя молчала. Бледно-розовые языки пламени от моторов тянулись к плоскости, подбирались к фюзеляжу. Самолет сильно кренился, но упорно шел вперед...

За линией фронта фашисты встретили группу шквалом зенитного огня. Шапки разрывов прошли весь строй. Петр едва успевал докладывать: разрывы справа, слева... Ольга маневрировала, бросала самолет то влево, то вправо.

– Держи курс! Курс держи! – требовала Аня. – Мы на боевом...

Яркая вспышка ударила в глаза. Повернув голову, Ольга увидела слева охваченный огнем ПЕ-2 из соседнего звена. Самолет, потеряв управление, падал вниз. Ольгу бросило в жар, руки мелко дрожали, штурвал показался ей тяжелым...

– Приготовиться к бомбометанию. Скоро цель, – услышала она голос Ани.

И эта обыденная, столько раз слышанная команда придала ей силы, помогла подавить минутную растерянность.

У ведущего самолета открылись бомболюки; они подходили к цели. Там, внизу, в районе станицы, противник сосредоточил танки и пехоту для наступления.

– Бросай! – закричала Ольга так громко, что Аня даже вздрогнула. Нажала на кнопку сброса, бомбы полетели вниз.

Наблюдая в прицел, Аня увидела поднятые кверху взрывами бомб черные столбы земли.

– Бомбы накрыли цель! – довольная, сообщила она.

– Хорошо, – ответила Ольга, а сама думала о том, как по-

мочь экипажу Басовой, чтобы не сбили их самолет на обратном пути. Надя тоже сбросила бомбы и с небольшим креном разворачивала самолет на обратный курс.

«Только бы они перетянули линию фронта, только бы перетянули», – мысленно повторяла Ольга и хотела сказать радисту, чтобы он наблюдал за Надиным самолетом. Вызвала его по СПУ⁷. Но Петр не ответил. Она позвала его еще раз. И снова молчание. А Петр задыхался в парах бензина. Голова отяжелела и кружилась. Ухватившись за лафет пулемета, Петр приподнялся, хотел сесть повыше на походное сиденье, но в глазах поплыли зеленые круги, и приступ рвоты свалил его на пол кабины.

Самолет Нади летел с небольшим углом планирования, оставляя за собой тонкую полоску дыма. Показалась линия фронта. Их обстреляли зенитки, но огонь был беглым, неточным, видимо, противник не ожидал наших самолетов в этом районе.

Перелетев линию фронта, они увидели впереди слева полевой аэродром. Вслед за Надей посадила на этот аэродром ПЕ-2 и Ольга. Некоторое время Ольга и Аня сидели в кабине молча, не двигаясь, – так удивительна была наступившая тишина. Тревога за исход полета осталась позади. Аня открыла нижний люк, кто-то подал стремянку.

Выглянув из кабины, она заметила офицеров, солдат. Мужчины сначала увидели, как из люка показались малень-

⁷ Самолетно-переговорное устройство.

кие ножки женщины, а потом и сама миловидная блондинка. Вслед за ней спустилась по стремянке Ольга.

– Что за наваждение?! – не скрывая радости, воскликнул худощавый майор. – Одни небесные богини к нам сегодня в гости!

Ольга обвела их холодным взглядом: «Они еще улыбаются! По их вине, можно сказать, подбиты две “пешки”, а им весело», и сухо спросила:

– Почему не было истребителей прикрытия?

– Как не было?! – с длинного лица майора улыбка сразу исчезла. – Две эскадрильи дали на ваш полк.

– В район встречи они не вышли.

– Выясним, почему так получилось. Выясним... – растерянно повторял он.

– Вот и выясняйте.

Солдаты вытащили из самолета радиста, положили на траву. Ольга расстегнула у него ворот гимнастерки, ослабила ремень, приподняла голову. Он был без сознания.

Подъехала санитарная машина.

На носилках Петра внесли в машину, отправили в госпиталь.

Сквозь толпу военных к девушкам пробралась Вера Задорнова.

– У вас все живы? – спросила ее Ольга.

– Живы, живы... Идемте к Наде, ранило ее.

Надя сидела у небольшой копны сена, правая нога была

перевязана.

– Ну и молодец ты, Надюша! Ну и молодец! – проговорила Ольга, обнимая Надю.

– Какая же я молодец? Видишь, как наша «пешечка» обгорела?

– Вижу... А с ногой что?

– Пустяки... – Надя пошевелила ногой, нахмурила брови. – Вера так перетянула ремнями, думала, ногу перережет.

Аня ходила вокруг обгоревшего самолета, думала о Наде. «Смелая. Назад не повернула... Отбомбилась, привела и посадила машину на аэродром. А я смогла бы так, как Надя? Выдержала бы?» И тут она увидела, как трактор потащил их ПЕ-2.

– Командир! – крикнула она Ольге. – Смотри, наш самолет куда-то убирают.

Ольга обернулась.

– Летное поле освобождают, чтобы не мешал посадке, – ответила она. – Пойдемте посмотрим, что стало с нашей «пешечкой».

На опушке леса, где была небольшая прогалина и сочно зеленела трава, трактор остановился.

Туда направились и девушки.

К ним подошел дежурный.

– Самолет надо замаскировать. Сидеть у нас, видно, долго придется, – сказал он.

– Задерживаться у вас не собираемся, – перебила его Оль-

га.

– А мы уж хотели поставить вас на все виды довольствия и зачислить в полк, – улыбнулся он.

– Спасибо за приглашение, нам и у себя неплохо. Девушки оставили обескураженного неприветливостью дежурного, стали осматривать самолет.

Оба мотора, лопасти винтов, шасси оказались исправными. Пробиты были только консольные баки.

– Но моторы могут работать и от одного центрального бака, – подала голос Аня.

– Конечно, – отозвалась Ольга. – Так что будем возвращаться домой. Заберем и Надю с Верой.

– Поместимся все-то? – засомневалась Аня.

– Поместимся. Вера сядет в кабину радиста, а Надю возьмем к себе.

– Поднимет всех? – спросил дежурный.

– Поднимет. Самолет наш не то что ваш.

– Возможно. У нас о нем так говорят: «На “пешке” летать, что тигра целовать. Страху много, а удовольствия мало».

– Ладно, ладно... На ваш менять не станем, – ответила Аня.

Девушки сели в самолет.

Подъехала на машине Надя.

Посадив ее к себе в кабину, Ольга запустила моторы, вырулила на старт, взлетела.

Офицеры, собравшись у КПП, тоскливо смотрели на уда-

ляющийся самолет. Набрал высоту, он скрылся в темно-серых облаках.

3

Погода установилась на Кубани жаркая, и Надя перебралась из дома в сад. Под ветвистой яблоней соорудила себе из досок настил, набросала травы, сверху положила матрас. Рана на ее ноге затягивалась. Она уже свободно обходилась без костылей и не раз говорила своему командиру, чтобы допустили к полетам. Но комэск отвечала: «Обращайся к врачам. Пройдешь медкомиссию, допущу к полетам». Но врачи ей пока летать не разрешали. Надя притихла: знала, спорить с врачами бесполезно. Оставалось одно – терпеливо ждать. Прихрамывая, она ходила с ведром по саду, обрывала с кустов вишню. Осторожно подтянув ветку, Надя подставляла ведро и ножницами перерезала черенки вишен. Ведро быстро наполнялось сочными ягодами.

В сад пришли девушки.

– Наконец-то! – обрадовалась Надя, увидев подруг. – Столько уродилось вишни, не успеваем с хозяйкой обрывать. Хоть бы догадались помочь.

– Сейчас поможем, – озорно подмигнула Вера Ане, приглашая ее к ведру. Усевшись поудобней, она взяла пригоршню вишни, стала бросать в рот одну ягоду за другой. К ней под села Аня.

– Как хорошо, когда есть на свете добрые люди. Всегда о тебе подумают, позаботятся... – лукаво прищурив глаза, говорила Аня, а сама посматривала на Басову.

– Правильно, – недобро подхватила Надя. – Вам приготовят, а вы придете и начнете пожирать, как саранча...

– Ох, уже упреки, уже сравнения... – вздохнула Аня.

– Ешь, Аня, не обращай внимания, – отмахнулась Вера. – Мы сегодня вполне заслужили, чтобы за нами поухаживали. Два вылета за один день! А ей жалко чашку этой вот кислятины.

– Ах, им еще и не нравится! – Надя схватила ветку, пошла на девушек. Вера и Аня вскочили, спрятались за яблоней. – Испугались... – рассмеялась Надя. – Если бы не больная нога, я бы вам показала такую кислятину!

За кустами Надя увидела притихшую Ольгу. Она сидела на табуретке, читала письмо. Надя подошла к ней, обняла сзади.

– Посмотри, – Ольга протянула ей фотокарточку сына.

На Надю глядел вихрастый мальчик в матроске и в коротких штанишках.

– Весь в батю. Нос, глаза, рот... – глухо проговорила Ольга. – Третий год пошел... Когда погиб Виктор, ему был всего годик... И вот уже третий...

В сад прибежала адъютант эскадрильи Якубович, бросилась к Наде.

– Поздравляю тебя с орденом!

– С каким орденом? – недоуменно пожала плечами Надя.

– С орденом Боевого Красного Знамени. Я только что из штаба. Многих наградили, в том числе и тебя. Вечером в столовой по этому случаю будут торжества, – сообщила Якубович, довольная тем, что говорит им об этом первой.

Девушки окружили Надю, поздравляли с наградой. Она смущенно краснела, повторяла:

– Спасибо, спасибо...

Вечером в летной столовой собрались офицеры полка. Девушки сидели взволнованные, торжественные. Среди них было несколько летчиков из соседнего полка.

Когда все расселись и в зале установилась тишина, майор Макаров подняли тост за первых орденосцев в полку. Говорил он о летчицах с большой теплотой, уважением, отмечал их возросшее боевое мастерство, мужество и настойчивость при выполнении полетных заданий. А когда чистосердечно признался о своих тревогах и сомнениях в первые дни командования полком, и как потом менялось его мнение, и что теперь он не покинет этот полк до конца войны, девушки встретили его слова дружными аплодисментами. Они тоже привыкли к нему, полюбили. Он был душевным и строгим, требовательным и справедливым командиром.

Потом поднимали бокалы за новые боевые успехи, за скорую победу, за счастливую жизнь после войны. В зале было шумно, весело, радостно. Откуда-то у Нади появилась гитара, она запела:

В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимым город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...

Песню подхватили десятки голосов, и она забилась трепетной птицей в тесной столовой. Аня сидела рядом с Ольгой, завистливо смотрела на Надю: «И как такую не любить мужчинам?! Смелая, красивая, талантливая... А я ничем не взяла: ни ростом, ни красотой, ни голосом...»

Аня украдкой потрогала свой вздернутый кверху маленький носик, горько усмехнулась и тут же испуганно опустила руку, боясь, как бы кто не заметил ее переживаний и не догадался о ее печали.

Потом начались танцы. В зале закружились пары. Аня сидела в сторонке, ее никто не пригласил на танец. Она собралась уходить, чтобы не слышать и не видеть этого шумного веселья, направилась было к двери, но Ольга остановила ее.

– Потанцуем, Аня. Домой еще успеем...

Но тут к ним подошли летчики. Как Ане в этот миг хотелось быть чуточку выше ростом, ну хотя бы на ладонь! Она поднималась на носках и все равно едва дотягивалась до плеча танцующего с ней молоденького, с черными усиками, лейтенанта. Кто-то закричал:

– Шире круг! Шире круг!

На середину зала вышел капитан Костенко.

– А ну, кто смелый, выходи! – приглашал он.

Ольга подталкивала Аню:

– Иди, Аннушка, иди. Ты же умеешь...

Аня вначале упиралась, а потом с отчаянной решимостью махнула рукой, вышла в зал. словно крылья подхватили Аню – так легко и свободно пошла она по кругу.

Все восторженно смотрели на нее, а она кружилась вокруг Костенко, радостная и счастливая...

Долго еще слышались в столовой песни и музыка.

Расходились под утро. Ольга ждала Аню на улице, чтобы вместе идти в станицу, но, увидев ее с тем лейтенантом, с которым она танцевала на вечере, не стала отвлекать, сделала вид, что их не заметила.

С востока дул свежий предрассветный ветерок, верхушки деревьев слегка раскачивались, приглушенно шумели густой листвой.

Ольга еще немного постояла у столовой, всматриваясь в темное южное небо, отыскивала по привычке Полярную звезду, как они когда-то делали с Виктором на Севере, прежде чем войти в дом, и, зябко передернув плечами, торопливо зашагала в станицу.

Глава третья

1

Майор Макаров стоял у окна, с грустью смотрел на раскисший после дождей полевой аэродром. Второй день полк из-за этого не летал. А так нужно было поддержать наступление наших войск с воздуха, но беспокоило и другое. Неделю назад ему доложили о том, что два экипажа, выполняя боевое задание, сбросили бомбы с пикирования.

Макаров строго отчитал оба экипажа за своеволие: женским экипажам было запрещено применять этот метод бомбометания из-за сложности его выполнения. Дело в том, что бомбометание с пикирования намного повышало точность попадания в цель, но требовало от экипажа высокого мастерства в технике пилотирования самолетом, физической выносливости из-за больших перегрузок при выводе самолета из пикирования. Не все экипажи могли овладеть этим методом бомбометания: уровень подготовки и опыт у летчиц был неодинаков. Это понимал Макаров, но он понимал и то, что сдерживать желание летчиц нельзя. Они могут расценить это как недоверие. Он и сам не раз слышал от летчиц предложение бомбить с пикирования и решил поддержать это полезное стремление.

«Уж лучше обучать их организованно, под руководством опытных командиров, чем пустить дело на самотек», – рассуждал он.

О своем решении он доложил командиру дивизии. Генерал долго молчал у телефона, видимо, раздумывал, как лучше поступить, и все-таки с его доводами согласился.

– Только будьте очень внимательны, подходите к каждому экипажу строго индивидуально, осмотрительно, требовательно, – советовал он.

И посыпались в полку одна неприятность за другой. Первую неприятность на полигоне принес экипаж Голубкиной. На вводе в пикирование Ольга резко двинула ручку управления вперед, самолет, описывая кривую, развил огромную инерцию, Аня еле удержалась руками за сиденье. А прицел, который она пыталась прижать ногами к полу кабины, с молниеносной быстротой промелькнул перед ее глазами, пробил астролук⁸ и вылетел наружу. Ольга вывела самолет из пикирования, вернулась на аэродром.

Полет закончился благополучно, но прицел они потеряли. И появилась в полку шутка в адрес штурмана. Если раньше за маленький рост Аню между собой женщины называли «кнопкой», то после этого случая появилось дополнение – «кнопка без прицела».

Другой экипаж, сбросив на полигоне бомбу, затянул вы-

⁸ Астролук – люк или прозрачный колпак в верхней части самолёта для астрономических наблюдений.

вод самолета из пикирования, а когда ПЕ-2 вышел в горизонт, то экипаж не поверил своим глазам: на плоскости лежала стокилограммовая бомба с обнаженным взрывателем. Правда, бомба была учебной, не боевой, но и она, взорвавшись на плоскости, могла наделать немало бед.

Летчица не растерялась, плавно положила самолет на крыло, сделала небольшой крен, и бомба, скатившись по плоскости, упала на землю. В общем, новый вид бомбометания давался нелегко, но летчицы не сдавались: «Мужчины освоили – освоим и мы», – твердили они.

И вот, как нарочно, зарядили дожди. С утра летчицы были на аэродроме. Но погода не улучшалась, тогда их отправили на занятия.

А вечером девушки собрались в Надиной комнате.

Примостившись в уголочке, Аня перечитывала письмо матери.

«Здравствуй, моя доченька! Получила от тебя письмо, рада, что дела идут хорошо, что ты здорова и настроение у тебя бодрое. Нам трудно себе представить, что наша тихая робкая дочурка стала военным штурманом, летает на боевом самолете и сбросила на голову проклятых фашистов уже сотни бомб. Береги себя, моя доченька. Мы все желаем тебе здоровья, успехов в службе, скорой победы».

«Ах, мама, мама! Все ты волнуешься, беспокоишься, – думала Аня, складывая письмо. – А я, поверь, летаю штурманом совсем неплохо. И в полку меня уважают. Так что все в

порядке. Ну а потом, после войны, будет чем заняться...»

Правда, Аня не очень четко представляла себе, чем будет заниматься «потом». Раньше ей все было ясно: кончится война, и она вернется в институт. Но за последнее время стала убеждаться, что ее все больше захватывают полеты.

«Хорошо бы, конечно, остаться в авиации. Но вряд ли это удастся. Разрешают летать, пока идет война, а закончится – женщин демобилизуют. Правда, есть еще один вариант...»

При мысли о нем в глазах Ани запрыгали веселые искорки. Вера заметила это, спросила:

– Чего улыбаешься?

– Да вот думаю, чем буду заниматься после войны. Надя – в аэроклуб, ты – в институт, а я...

– А ты на физмат... Аня промолчала.

И тут Надя с иронией заметила:

– Она пойдет в ансамбль песни и пляски. Представляете, идем по городу и видим афишу: танцует Анна Высотина. И ее огромный портрет, вся грудь в орденах...

Все рассмеялись, хохотала и Аня.

– Ну а все-таки куда? – допытывалась Вера.

– Не знаю, – пожала плечами Аня.

– Стоит ли, девочки, гадать? – вздохнула Ольга. – Разве узнаешь, что нас ждет впереди. Время-то какое... Думали ли мы, что будет война, пойдем на фронт громить фашистов? И где? У Волги! На Кубани!

– Да если бы мне сказали в начале войны, что немцы дой-

дут до Волги, я бы ему глаза выцарапала, – категорично заявила Аня.

– А где же Надя? – спросила вдруг Ольга. Она и не заметила, как Надя вышла из комнаты.

Аня развела руками.

– Опять сбежала? Уведет ее от нас этот капитан, – невестело проговорила она.

– Сама ведь тоже бегаешь на свидание к лейтенанту... с усиками, – заметила Вера.

– А тебе откуда известно? – вспыхнула Аня, щеки ее маково зарделись.

– Известно... Любовь, милая, не утаишь, не спрячешь. Она на лице у тебя светится.

– Вечно ты с выдумками! – обиделась Аня.

– Что кому судьбой намечено, того, видимо, не миновать, – потянулась на койке Вера, укрываясь одеялом.

2

Полк получил задание нанести бомбовый удар по немецкой танковой дивизии, которая перебрасывалась из Крыма для усиления Кубанской группировки. Наша разведка установила точный маршрут движения, хотя дивизия двигалась только ночью.

– Хорошо бы ударить по ним на рассвете, – рассматривая карту, говорил Макаров.

– Это самый лучший вариант. Больше внезапности, – соглашалась Звягинцева, замполит полка.

– Я думаю, генерал одобрит такое решение. И они не ошиблись. Комдив поддержал их.

Один за другим выруливали самолеты на старт, уходили в воздух.

Экипажи Басовой и Голубкиной в общем вылете полка не участвовали. Они получили другие задания.

Подозвав Надю и Веру к столу, Макаров развернул карту.

– Взлетаете вы, товарищ Басова, вслед за группой. После линии фронта идете вот в этот квадрат, – указал он карандашом на карте. – Надо разведать и сфотографировать все, что там сосредоточил противник. При возвращении пройдете через район, где будут действовать наши самолеты, и сфотографируйте результат удара полка по танковой дивизии. Все ясно?

Надя подобралась, подтянулась.

– Все ясно, товарищ майор.

– Разведанные срочно нужны командованию армии, – добавил он.

– Задание будет выполнено, – заверила она.

– Верю... – мягко и как-то сочувственно произнес Макаров.

Ему нравилась эта кареглазая бойкая летчица, не раз удивлявшая его своей смелостью, решительностью, тактической грамотностью при выполнении полетных заданий.

Он хотел их отпустить, но что-то вспомнил, торопливо проговорил:

– Соседский полк тоже прошу не тревожить.

Надя вскинула на него удивленные глаза, лицо ее зарделось.

– Товарищ майор, о чем вы?

– Знаешь, знаешь, о чем я говорю. Еще раз доложат – накажу.

Взяв свое снаряжение, они заспешили к самолету.

«Все-таки сообщили!» – возмущалась по дороге Надя.

Возвращаясь однажды с боевого задания, Надя решила пройти над аэродромом соседнего полка, в котором служил Костенко, и на виду летчиков выполнить полет на малой высоте. Надя знала, что некоторые из них немного задавались, к летчицам относились с высокомерием. Аэродром их находился рядом, времени требовалось немного, и она повела туда свою «пешку».

Снизившись до десяти метров, Надя прошла вдоль стоянки, видела, как разбегались и прятались в укрытия люди, приняв их ПЕ-2 за самолет противника, а потом сделала крутую горку, положила «пешечку» с крыла на крыло, послав на землю «воздушный привет». Они запомнили хвостовой номер самолета и по нему определили виновницу вызванной на аэродроме суматохи. Она потом подтрунивала над Костенко, рассказывая ему, как некоторые «храбрецы», завидев ПЕ-2, метались по стоянке, прячась в укрытия. Она уже и забыла

об этом случае, а Макаров, оказывается, помнил, хотя почему-то ей не говорил и не упрекал за нарушение летной дисциплины.

Отпустив Басову, Макаров вызвал экипаж Голубкиной. Перед ним лежала на столе все та же карта.

Указав на обведенный синим карандашом кружок, он сказал:

– Вот здесь находится железнодорожный мост. Видите?

– Вижу, – ответила Ольга, посмотрев на карту.

– Приказано его уничтожить.

– Уничтожим...

– Это нелегко, товарищ Голубкина, – медленно, с растяжкой, произнес Макаров. – Это мост. В него попасть трудно. К тому же его прикрывают зенитки, истребители. Из других полков летали. И не раз... А мост стоит. Через него противник перебрасывает к фронту войска.

Макаров замолчал, постоял, видимо, ждал, что скажет Ольга.

«По интонации голоса можно узнать – робеет человек идти на такое задание или нет», – думал он.

Макаров понимал, насколько сложна и опасна обстановка в том районе, куда они полетят. Длительный полет над местностью, где противник сосредоточивает свои силы и которую он усиленно прикрывает с воздуха, связан с большим риском. К тому же за одиночным самолетом всегда охотятся истребители, так как знают, что это, как правило, разведчик,

и, чтобы разведданные не попали в руки противоборствующей стороны, преследуют его до тех пор, пока не собьют.

Макаров в экипаж верил. И все же в глубине души он чувствовал щемящую боль от того, что приходится посылать их на такое трудное задание. Он уже не раз замечал за собой подобное состояние: и жалость, и грусть, и боль, когда девушки уходили в полет, будто он, Макаров, был повинен в том, что им, женщинам, приходится выполнять эту тяжелую работу. И когда однажды с задания не вернулся экипаж, он не находил себе места. Что ни говори, а служить ему в мужском полку, где он был заместителем командира, было гораздо легче. Война все-таки, считал Макаров, не женское дело.

Он тепло посмотрел на Ольгу, опустил глаза. Ольга по-своему поняла и эту длительную паузу, и этот его взгляд, лишь спросила:

– Полетим одни?

– Одни... Больше шансов проскочить незамеченными. А вы что предлагаете?

– Действительно, одним лучше. Я тоже хотела вас об этом просить. – Немного подумав, предложила: – Хорошо бы, конечно, ударить на зорьке. Взлететь ночью, выйти к мосту на рассвете...

– А что? Пожалуй, верно, – одобрительно проговорил Макаров. – Принимается. Готовьтесь.

Макаров ушел на КП, а девушки, развернув карту, стали прокладывать маршрут полета. Они имели уже не один де-

сяток боевых вылетов, но такую задачу получили впервые. Ольга ясно представляла себе трудности, связанные с выполнением этого задания, и обеспокоенно посмотрела на Аню.

– Справимся, штурман?

– Да я теперь, если что, сама вместо бомбы на мост выпрыгну, – заявила Аня, улыбаясь чуть подкрашенными губами.

«И тебя, милая, к косметике потянуло, – отметила про себя Ольга. – Запал все-таки в твою душу лейтенант...» А вслух сказала:

– Проку от тебя, Аннушка, мало, если и выпрыгнешь на мост сама. А вот бомбочку в мост положить надо.

Они изучили маршрут полета, произвели расчеты, доложили командиру полка.

Проверив их подготовку, Макаров отпустил экипаж на отдых. Девушки успели еще часика три поспать, а ночью пришли на аэродром. Ольга осмотрела подвешенные на внешние держатели две двухсотпятидесятикилограммовые бомбы, проверила надежность контровки⁹ взрывателей.

– Может, еще парочку? Задание трудное, – заметила техник самолета Галя.

– И этих хватит. А в случае чего... – Ольга хотела сказать,

⁹ Чтобы избежать случайного срабатывания взрывателей, снабженных ветрянками, используется система блокировки, или, как говорят, «контровка», их проволочными вилками. Они устанавливаются на взрыватель при ввертывании его в очко бомбы и не препятствуют случайному свинчиванию ветрянки при доставке бомбы к цели.

если не попадут в мост бомбами, то направят в него самолет, но мост уничтожат, да замолчала, не хотела тревожить преждевременно Гаю.

Но Галя догадалась, о чем думала Ольга, и набросилась на летчицу:

– Ты что надумала? Да как ты смеешь! Я сейчас же пойду к Макарову и расскажу ему.

– Ходить никуда не надо, – примирительно проговорила Ольга. – Все будет в «ажуре», как говорит Аня, и «пешечка» твоя вернется целехонькой и невредимой.

Еще раз взглянув на бомбы, Ольга и Аня поднялись в кабину самолета.

Небо на востоке было еще темно-голубым, но у самого горизонта уже тянулась светлая полоска.

После взлета они набрали над аэродромом высоту и взяли курс на запад. Внизу виднелись траншеи, опрокинутые машины, танки – следы недавних ожесточенных боев. По степным дорогам двигались к фронту наши войска. Вскоре потянулись на десятки километров прибрежные лиманы¹⁰.

По совету командира полка они выбрали маршрут полета с таким расчетом, чтобы пересечь линию фронта в наиболее

¹⁰ Лиман (греч λιμήν – гавань) – так называются в побережье Черного и Азовского морей приморские бассейны, представляющие собой как бы расширенные устья рек и балок, наполненные соленой или солоноватой водой. Открытые лиманы находятся в непосредственном сообщении с морем, другие – закрытые, или внутренние, отгорожены от него более или менее широкой полосой суши, известной под названием пересыпи.

глухом месте, уйти в море и зайти на цель с запада. Так они и поступили.

Линию фронта прошли незамеченными.

Теперь предстояло самое трудное: скрытно удалиться в море и дальше действовать так, как задумали на земле. Море было спокойным, в его свинцовых волнах засверкало утреннее солнце.

Уткнувшись в карту, Аня рассчитывала поворотный пункт.

– Через три минуты поворот, – доложила она Ольге. В заданной точке они развернулись, вышли на берег.

Впереди показалась река. Светлой узкой полоской петляла она среди зеленых полей.

Ольга напряженно всматривалась, отыскивая цель. На фоне светлой воды она увидела две тонкие темные линии, пересекавшие реку. Сердце забило учащенно. «Это мост».

– Видишь мост? – спросила она штурмана.

– Вижу, – глухо ответила Аня. – Ложись на боевой курс.

Ольга напряглась, ноги слились с педалями руля поворота, руки застыли на штурвале.

– Ну, Аня, выводите точнее. Фашисты молчат, не стреляют. Приняли, видно, за своих.

По данным нашей разведки, мост охраняли зенитки, прикрывали истребители. Но сейчас пушки молчали, истребителей в воздухе не было. Видимо, тактическая хитрость удалась: появления нашего самолета со стороны моря немцы не

ждали.

Аня подала команду на ввод самолета в пикирование. Ольга энергично отдала штурвал от себя – «пешка», описав крутую кривую, стремительно понеслась к земле.

Штурман не спускала глаз со стрелки высотомера: важно точно подать команду о выводе самолета из пикирования. Вот уже стали хорошо просматриваться на реке лодки, на дороге – автомашины.

Аня терпеливо ждала, подавляя в себе желание дать команду о выводе раньше. Стрелка высотомера подошла к расчетной цифре, и Аня подала команду о выводе самолета из пикирования.

Ольга нажала на кнопку сброса бомбы, потянула штурвал на себя.

Самолет нехотя выходил в горизонт.

Аня смотрела на мост, ожидая взрыва бомбы. Но громадный столб черной земли взметнулся в стороне от моста, на берегу реки.

– Промахнулась... – растерянно прошептала Аня.

Ее бросило в жар. «А если и вторую бомбу мимо?... Тогда что?»

Переживала и Ольга. «Надо же! Все шло хорошо. Зенитки молчали, на мост вышли точно, пикировали отлично, и вдруг – мимо!»

– Товарищ командир, «фоккер» сзади, – доложил стрелок-радист.

– Начинается... – сурово сдвинула брови Ольга.

Развернула пулемет и Аня, взяла «фоккер» в прицел.

Истребитель приближался. Уже четко были видны плоскости, мотогондолы¹¹. Аня с силой потянула гашетку – пулемет задергался в ее маленьких руках. Вел огонь из кормовой установки и стрелок-радист.

«Фоккер» дал длинную очередь, отвернул вправо: лезть под огонь пулеметов не решился.

И снова ПЕ-2 на боевом курсе. Снова штурман ловила в перекрестие прицела паутинки железнодорожных линий, пересекающих реку, снова подавала летчице команду «пошел!». Снова – падение машины вниз и стремительный обратный бег стрелок высотомера. Но зенитки на этот раз встретили их шквалом огня. Белые шапки разрывов появились и справа, и слева.

«Спокойнее, спокойнее, – успокаивала себя Ольга. – Без паники. Осталась одна бомба. Одна... Промех исключается. Моста над рекой не должно быть. Не должно...»

Она не слышала ни свиста ветра за стеклом кабины, ни рева падающего вниз самолета. Все внимание было сосредоточено на одном – мост! Не промахнуться, уничтожить! Мост стремительно приближался. Еще мгновение – и штурман подаст сигнал о выводе самолета из пикирования.

¹¹ Отсек летательного аппарата (как правило, обтекаемой формы), предназначенный для монтажа двигателя и выступающий за пределы фюзеляжа или крыла, на котором установлен двигатель.

Вдруг чем-то острым обожгло висок Ольги, темная пелена затянула сетку прицела. Ольга смахнула рукой теплую липкую кровь с правого виска. «Вот не вовремя!» – с досадой подумала она.

– Выводи! – донесся приглушенный голос штурмана.

Ольга впилась глазами в прицел. Белые линии сетки ползли по реке, темная перемычка приближалась к центру перекрестия. Пора! Нажала на кнопку сброса бомб, потянула штурвал на себя.

Огромные перегрузки прижали ее к сиденью. И все же ей удалось повернуть голову назад и, накренив самолет, собственными глазами увидеть, как рухнули железобетонные фермы моста. Это заметила и Аня.

– Ура! – восторженно закричала она, но, увидев на лице Ольги кровь, испугалась. – Что с тобой, Оля?

Ольга отмахнулась:

– Все в порядке. Следи за маршрутом. – А сама чувствовала: руки ослабли, еле держат штурвал.

Достав из аптечки бинт, Аня сняла с Ольги шлемофон, забинтовала голову. Посмотрела на карту: до линии фронта было минут двадцать полета.

«Выдержит ли Ольга? Или придется садиться в тылу врага?» – встревожилась она.

Ольге становилось все хуже и хуже. Бинт на голове стал розовым. Самолет летел неустойчиво: раскачивался, крепился, словно подбитая птица.

Вцепившись руками в штурвал, Аня помогала Ольге управлять машиной. В кабине было душно. Пот из-под шлема тонкими струйками стекал по лицу, солоновато ощущался на губах.

Вскоре показались яркие светлячки орудийных залпов. Это была линия фронта.

– Сколько до аэродрома? – спросила Ольга.

– Минут десять, – ответила Аня.

– Передай на КП, чтобы освободили полосу...

Когда колеса коснулись земли и самолет побежал вдоль полосы, Аня облегченно вздохнула, сбросила пропотевший шлемофон, обняла Ольгу.

– Оля, милая, мы дома! Мы дома!

Слова штурмана отозвались далеким глухим эхом. Ольга теряла сознание...

3

В том же саду под ветвистой яблоней, где месяц назад лежала Надя, теперь расположилась Ольга. Чувствовала она себя немного лучше, но общая слабость пока еще сказывалась, голова при ходьбе кружилась. Затянувшаяся болезнь волновала ее.

Тревожило не само ранение, нет, беспокоило другое: как бы это ранение не лишило ее возможности летать. Вот что пугало и страшило Ольгу.

Как всегда, шумной толпой пришли девушки, в руках несли посылки.

– Получай подарки от шефов! – говорила Надя, подавая Ольге посылку. – Посмотрим, что нам прислали шефы.

Небольшим ножом она открыла ящик, стала извлекать из него вещи. Вера тоже вскрыла ножом обшивку своей посылки, вытащила сверток.

– Девочки, колбаса, да еще копченая! – воскликнула она, показывая завернутый в прозрачную бумагу круг колбасы.

– Угадали, – лукаво посмотрела на нее Надя. – Будто знали твое желание.

Вера достала бутылку.

– Смотрите, водка! Надо же... Все есть: и выпить, и закусь. Предусмотрительный хозяин. Спасибо тебе за это.

– Только не тому досталась, – заметила Надя.

Вера вытащила кiset, расшитый яркими нитками, потрясла им в воздухе:

– А вот и кiset с махорочкой!

– Сразу видно, на мужчин рассчитывал, – подала голос Ольга.

– А мы мужчинам все это и отдадим, – проговорила Вера, складывая подарки обратно в ящик. – Кроме, разумеется, колбасы.

В Надиной посылке оказались платочки, шерстяной шарф, перчатки, носки, галеты и письмо.

«Здравствуй, незнакомый боец, – читала Надя неровные

мелкие строчки. – Посылаю тебе свои скромные подарки. Надеюсь, это пригодится. Если не затруднит, то напишите о своих делах на фронте. Мы всегда думаем о вас и желаем скорой победы. Валя».

Надя отложила письмо, задумчиво посмотрела на подарки. Ей представилось уставшее лицо девушки, натруженные руки, и сердце наполнилось жалостью к далеким труженицам, работающим день и ночь, чтобы обеспечить огромный фронт оружием и хлебом. Она отложила письмо, подошла к Ольге.

– Как чувствуешь себя?

– Лучше... На живой, как говорят, все заживет.

– Это верно, – вздохнула Надя. Помолчав, добавила: – Я бы, наверное, так не смогла, как ты. Раненой в голову бомбить мост, да еще с пикирования, и вернуться, и посадить самолет на свой аэродром...

– Что женщина не сможет, Надюша, если надо...

– Ты права, Оля, что женщина не сможет... – повторила Надя в раздумье. Встала, взяла гитару, слегка тронула струны. По саду поплыла, хватая за душу, песня:

Поговори хоть ты со мной,

Гитара семиструнная.

Вся душа полна тобой...

А ночь такая лунная.

Эх, раз, еще раз...

Еще много, много раз...

– Тебе артисткой быть, не летчицей, – ласково посмотрела на нее Вера.

– Можно и в артистки, – улыбнулась она. – За этим дело не станет. Петя я люблю.

Тяжело дыша, прибежала Аня.

– Ой, девочки! – воскликнула она радостно и замолчала, опускаясь на лавку.

– Чего сияешь, как летнее солнышко? – спросила Надя.

– Угадай!

– Артисты приехали?

– Вот еще! – обиженно фыркнула Аня. – Наградили нас. Олю и меня. Оле – орден Ленина, а мне – Красную Звезду...

– Откуда такие вести? – недоверчиво посмотрела на нее Вера.

– Узнала вот... Из дивизии сообщили. Сама телеграмму в штабе читала. Я так рада, так рада!

– Поздравляю, – Надя встала, обняла подругу.

– И я поздравляю, – подошла Вера. – Обмоем? Аня растерянно развела руками:

– Да нету у нас. Я сбегая к техникам, у них всегда спирт в запасе есть.

Вера показала бутылку:

– Вам повезло.

– Всегда ты вовремя! – кинулась к ней Аня.

– Интуиция...

Незаметно в сад пробрались капитан Костенко и лейтенант Кикнадзе.

Они узнали о награждении девушек и пришли их поздравить.

– Ашуги¹² Кавказа поют вам славу! – произнес торжественно Кикнадзе, снимая фуражку и низко кланяясь.

Девушки испуганно обернулись на голос, не ожидая у себя мужчин, а потом набросились на незваных гостей.

– Напугали так!.. – колотила Аня маленьким кулачком по спине Кикнадзе. – Откуда узнали?

Кикнадзе вскинул кверху руки:

– На одной земле живем, в одном небе летаем – как не узнать!

Офицеры преподнесли им цветы, чем окончательно расстрогали девушек.

– С вас причитается, – подмигнул Костенко Ольге.

– Такое не держим. – Вера спрятала бутылку в ящик и пододвинула им корзину с яблоками. – Вот, угощайтесь...

– Ай, как жаль, как жаль! – с наигранной грустью покачал головой Кикнадзе. – Нам бы по стопке – сразу на душе весна, а в голове – девятый вал, а в ногах – лезгинка. Музыку давай!

И он пустился в пляс.

В это время в сад вошла Звягинцева, замполит полка, и,

¹² Ашуг – народный певец-поэт, сказитель у некоторых народов Закавказья, Турции и Персии. Поэзия ашугов всегда была любима простым народом, и благодаря этому их песни и сказания передавались из уст в уста и дошли до наших дней.

увидев девушек в обществе мужчин, изрядно удивилась.

– Это что еще тут за хоровод? – недовольно проговорила она.

Офицеры растерянно переглянулись, потянулись к фуражкам.

– Да вот... поздравить пришли, товарищ майор, – замялся Костенко, испытывая неловкость.

– Откуда вам об этом известно? – хмуро вскинула брови Звягинцева.

– Разве такое утаишь, товарищ майор? – развел руками Костенко. – Как-никак, мы соседи ваши. А соседи должны жить друг с другом в мире и согласии.

Звягинцева смягчилась, смуглое от загара лицо ее потеплело, под уголками глаз сбежалась мелкие морщинки. Она протянула руку.

– Ну, здравствуйте, соседи! Что-то зачастили к нам в гости.

– А почему хороших соседей не проведать? – улыбнулся Костенко.

– Я на танцах не раз видела вас.

– На танцах? – с деланным удивлением воскликнул он. – Да какие же мы танцоры?! Весь день: взлет – посадка, взлет – посадка. К вечеру с ног валимся.

– Видела, видела... Не увиливайте. А еще капитан...

– Так ведь молодость, Вера Петровна! – рассмеялся Костенко. – Ну, счастливых вам взлетов и посадок...

Они раскланялись, ушли.

Некоторое время в саду стояла неловкая тишина.

– Товарищ майор, – подошла к Звягинцевой Аня. – Вот кстати, что пришли.

Звягинцева неловко обняла ее, тепло проговорила:

– Поздравляю, Аннушка, поздравляю, милая.

Потом подошла к Ольге.

– Поздравляю, Оля, от души поздравляю.

– Вера Петровна, с легкой руки, да чтобы ордена были не последние, – подала ей стакан водки Надя.

– Вы уж извините нас, – оправдывалась Аня, – поздравить они приходили.

Звягинцева покосилась на стакан:

– Откуда это у вас?

– Шефы, – показала бутылку Вера.

– Не эти ли пугливые? – кивнула она в сторону ушедших офицеров.

– Нет... В посылке обнаружили, – уточнила Вера.

– Уж потерпите до вечера. Отметим в столовой. Весь полк соберем.

Видя, что Звягинцева оттаяла, смягчилась, Надя спросила:

– А посторонних можно пригласить?

– Можно, в порядке исключения, – улыbnулась она.

– А мне, Вера Петровна? – засмеялась Аня.

– И ты с ухажером? – всплеснула руками Звягинцева.

– И я... – опустила глаза Аня. Звягинцева покачала головой.

– Что с вами делать? Ума не приложу... Надя обняла Звягинцеву, притворно вздохнула:

– Баба без мужика, Вера Петровна, что цветок без солнца... Завянуть может.

– Ты эти присказки оставь, – погрозила ей пальцем Звягинцева. Взяла из корзины яблоко, стала есть. – И вообще, любовь, свадьбы – после войны.

– Это уж как получится, Вера Петровна, – засмеялась Надя.

– Все равно не разрешу... И на свадьбу не пойду, так и знайте, – отшучивалась Звягинцева. Повернувшись к Ольге, участливо спросила: – Оля, домой на недельку хочешь?

– Домой?! – не веря своим ушам, переспросила Ольга.

– Все равно пока не летаешь. Завтра самолет в Саратов пойдет. С Макаровым я говорила, он не возражает. Пелагее Петровне кланяйся. – Звягинцева помолчала, потом с грустью добавила: – Так хочется своих ребят повидать. Двое их у меня... Оба на фронте.

Все замолчали. В саду стало тихо, лишь слабо шумели верхушки деревьев да трепетно дрожали на ветру листья.

Пришла адъютант эскадрильи Якубович.

– А я к вам, товарищ майор. Письмо вот принесла, – помахала она конвертом. – Так что придется, Вера Петровна, поплясать...

– Давай, давай! Заждалась этих писем, – она нетерпеливо взяла письмо и посмотрела на конверт.

Лицо ее сразу потускнело: адрес был написан незнакомым почерком. Звягинцева разорвала конверт, руки ее мелко дрожали, буквы прыгали перед глазами. Она никак не могла сосредоточиться.

– Саша... – произнесла она глухо, хотела сказать что-то еще, но спазмы сдавили горло.

Сутуло покачиваясь, она медленно вышла из сада.

– Сын? – спросила Аня у Якубович.

– Сын... – зашмыгала она носом и расплакалась. – Разве я знала, что там похоронка на сына?.. Разве я знала?..

4

Домой Ольга попала поздним вечером. Мать возилась на кухне с посудой и не слышала, как вошла Ольга.

– Здравствуй, мама!..

Пелагея Петровна обернулась, всплеснула руками.

– Оля...

Ольга подбежала к ней, обняла, почувствовав, как под кофтой затряслись худые плечи матери.

– Ну, успокойся, успокойся... Радоваться надо, а ты в слезы... – мягко проговорила Ольга и заспешила к кровати сына.

Сереза спал, разбросав руки поверх одеяла, рот был чу-

точку открыт, и было слышно, как он посапывал.

– Сынулька! Родненький! – всхлипывала Ольга, наклоняясь к кровати. – Ну, проснись, проснись, сонуля... Мама приехала...

Пелагея Петровна, не выдержав этой сцены, отвернувшись, вытерла платком глаза.

– Разденься хоть... Или сразу обратно? – с укоризной проговорила она.

– Побуду, побуду... Дня четыре.

– С головой-то что? – Мать сразу насторожила повязка на голове Ольги, как только она увидела дочь.

– Так, пустяки...

Ольга взяла на руки сына, стала целовать лицо, руки. Сережа открыл глаза и, увидев незнакомую женщину, заплакал.

Подошла Пелагея Петровна, взяла его к себе.

– Это твоя мама, Сережа. Твоя мама...

На руках у бабушки мальчик успокоился, но продолжал смотреть на Ольгу сердито и хмуро.

– Совсем отвык, – кручинилась бабушка. – Долго воевать-то собралась?

– До конца войны.

Ольга вытащила из чемодана игрушечный самолетик, сделанный умельцами из плексигласа, дала сыну. Но он отвернулся, не взял.

– Может, хватит, пока жива? – не унималась Пелагея Петровна. – И о нас подумай. О сыне.

– Не надо об этом, мама. – Ольга подошла к сыну. – Ну иди ко мне, иди, мой маленький.

Сережа нехотя протянул к ней руки. Ольга прижала его к себе, стала целовать лицо, голову... Слезы застилали ей глаза, и она ушла с ним в другую комнату.

Раздосадованная Пелагея Петровна устало села на стул. Трудно жилось ей с внуком. Сама она работала на фабрике, где шили солдатское обмундирование. Рабочий день длился по 14–15 часов, и она так изматывалась за день, что домой возвращалась еле волоча ноги. Пока она была на фабрике, с внуком сидела знакомая старушка из соседнего подъезда. Вечером Пелагея Петровна приводила его домой, готовила ужин, кормила, укладывала спать. А когда он засыпал, шла в ванную, стирала белье, потом на кухне варила кашу на завтра. И так каждый день. Годы уже не те, силы заметно поубавилось, а такая нагрузка была для нее, конечно, тяжеловата. Но она успевала все делать дома, была хорошей производственницей. За ударный труд ее не раз премировали, писали о ней в местной газете. Казалось, что еще надо старому человеку? Но ее постоянно тревожила Олина жизнь. «Что будет делать она, если Оля погибнет на фронте? На кого оставит внука? Сама уже старенькая, одолевают болезни. Так что долго не протянет. И будет расти внук сиротой, один-одинешенек». Она никак не могла, да и не хотела мириться с этой мыслью. Конечно, в душе Пелагея Петровна гордилась дочерью, ее настойчивостью, смелостью. Трусливые люди в авиа-

цию не идут, это она понимала. Да и орден, который был на ее груди, говорил о том, что дочь на фронте воюет умело. Только вот ранение Ольги очень взволновало Пелагею Петровну.

«Могут ведь убить. Это война». Она и раньше с тревогой думала об этом, но за работой, в сутолоке жизни как-то все забывалась, а теперь эти мысли снова лезли в голову. Она знала, что поправить ничего уже нельзя, Ольга не отступит-ся, но, как и всякая мать, она беспокоилась, переживала, хотела дочери в жизни только добра и счастья.

«А в чем оно, счастье? Может, для нее летать – это и есть то самое счастье?» – потихонечку успокаивала она себя, прислушиваясь к веселому смеху внука и дочери за стеной.

Пошла на кухню готовить ужин.

За столом пили чай, ели бутерброды с колбасой и маслом, слушали словоохотливого Сережу. Ольга заметно преобразилась, на щеках появился румянец, в глазах светилась радость.

Пелагея Петровна украдкой поглядывала то на внука, то на дочь и чувствовала, как умиротворяющая теплота обволакивает сердце.

«Пусть летает... Пусть летает... Что же теперь делать? Видно, судьба ее такая. Только веди себя там, доченька, по совести, не срами себя. А мы уж как-нибудь проживем тут. Глядишь, и тебя дождемся. Летай, бей проклятых иродов...»

У дома на лавочке сидела Надя, пришивала к гимнастерке воротничок. Рядом стояла, нервно теребя пилотку, расстроенная Аня. Она узнала сегодня от врачей, что Ольгу хотят отстранить от полетов на ПЕ-2 и перевести в легкомоторную авиацию. Это известие ее ошеломило. Ей было жаль Ольгу. Да она и сама не представляла, как будет летать с другой летчицей: до того привыкла к Ольге.

«Пусть переводят и меня. С другими летать я не буду!» – горячилась она.

У соседнего дома залаяла собака. Надя отложила шитье, прислушалась.

– На кого она там лает? Видно, чужой кто-то.

Аня вышла за калитку, увидела Ольгу.

– Оля! – кинулась ей навстречу. – Наконец-то! Заждались тебя...

– Насилу добралась... Как вы тут? – присев па лавку, спросила Ольга.

– Летаем помаленьку, – блеснула карими глазами Надя, обнимая Ольгу. – У мамы была?

– Была, была... – Ольга достала из чемодана письма, свертки, коробки, раздала девушкам. – Получайте свои подарки.

Аня развернула письмо, быстро забежала по листу глаза-

ми.

– Все обо мне волнуется, – складывая письмо, тоскливо проговорила Аня. – Мама, мама...

Надя оторвалась от своего письма, глухо проговорила:

– Для них мы всегда дети.

Аня села на лавку, вздохнула:

– Так хочется побыть дома... Закрою глаза, и все мне город представляется, Волга... Дом наш на берегу реки стоит. Встанешь утром – кругом тихо-тихо. Птицы поют... Березки колышутся... Пароходы плывут...

Ольга тепло посмотрела на Аню, подумала: «Сколько в тебе, Анна, осталось еще от детства! Бегать бы тебе по берегу Волги, встречать рассвет...» – и подала ей коробку:

– Твои любимые.

– Пирожки! Вот здорово! – Развернув коробку, предложила: – Угощайтесь. Моя мама – большая мастерица печь пирожки.

Девушки потянулись к домашним пирожкам, от которых давно уже отвыкли.

– Так вкусно! – нахваливала Надя, уплетая один пирожок за другим.

Аня покосилась на Надю, ей очень хотелось сообщить Ольге про Надино замужество, да колебалась, ждала, может, Надя сама скажет об этом, но она лишь с аппетитом ела пирожки да нахваливала их.

И тогда Аня решилась.

– А у нас новость.

– Какая? – повернулась к ней Ольга.

– Расписались они...

– Правда... – улыбнулась Надя.

– А свадьба?

– Свадьба после войны. Такой был уговор.

– Поздравляю, милая! – обняла ее Ольга. – Счастья тебе и дюжину ребят.

– Это насколько духу хватит, – тихо, сдавленно засмеялась она.

– А как к этому отнеслось начальство? – спросила Ольга.

– Пришли, поздравили...

– Да кто имеет право запретить? – вскинула Аня брови: – Это любовь! Дело личное.

– Может, ты тоже собралась? – посмотрела на нее Ольга.

– Я пока подожду... – Аня гордо подняла голову, расправила под ремнем гимнастерку. В ее поведении, рассуждениях порой было столько непосредственности, категоричности и прямолинейности, что иной раз девушки не знали как и вести себя с ней.

Ольга надела пилотку, встала.

– Пойду доложу начальству о своем прибытии из отпуска.

Девушки растерянно смотрели ей вслед, и, когда Ольга скрылась за углом дома, Аня печально произнесла:

– Такой удар для нее... Надо было как-то ее подготовить.

– Может, все еще и обойдется... – возразила Надя.

– Хорошо бы так...

Прибежала посыльная – рослая, полная девушка.

– Товарищ Басова! – закричала она от калитки. – Тебя вызывают в штаб вместе с экипажем.

– А что там такое?

– Говорят, срочный вылет.

Надя собрала свои вещи, отнесла в дом, переоделась в летний комбинезон, заторопилась на аэродром.

– Счастливые... Опять летят на задание, – завистливо проговорила Аня. – А тут – одни волнения.

Пока болела Ольга, Аню к полетам не привлекали: штурманов в полку хватало. Ее посылали то на КП в помощь руководителю полетов, то в штаб – оформлять полетную документацию.

Частенько выпадало ей и дежурство по аэродрому. Ходить по нарядам, копаться в штабных бумагах изрядно надоело. Она с нетерпением ждала Ольгу, чтобы снова летать. Но Ольгу к полетам не допустили, и это расстроило Аню еще больше.

«Ну и порядки, елки моталки!.. – возмущалась она. – Человек воевать просится, а его не пускают. Подумаешь – ранение! Заживет! Отстранить такую летчицу от полетов – это несправедливо, бессердечно».

Долго бы еще она, наверное, промывала косточки начальству, но тут показались Звягинцева и Ольга. Открыв калитку, они направились к дому.

– Не можем мы, Оля, отменить решение медкомиссии, – долетели до Ани, обжигая, как угли, слова Звягинцевой, и сердце ее болезненно сжалось. – Доказывали с Макаровым, возражали. Но мы не всеильны. Ранение у тебя серьезное. И летать пока не советуют. По-дружески тебе говорю. Поработай в штабе. Поправишься, окрепнешь... Тогда видно будет. Поживи, как говорят, на земле.

– Я живу, когда летаю, – упрямо и глухо проговорила Ольга. – Вы это понимаете?

– Понимаю, все понимаю, родная. Но изменить ничего не могу. Ты же знаешь, с медиками спорить по этим вопросам бесполезно.

Когда они подошли к дому, Аня решительно заявила:

– Я с другим экипажем летать не буду. Так и знайте! – Схватила шлемофон, в сердцах швырнула его на землю. – Человек воевать просится, а его в штаб. Ну и порядочки... Нечего сказать...

Не ожидая от штурмана такой реакции, Звягинцева сначала растерялась, а потом осуждающе заметила:

– Что это у вас за манера такая, товарищ Высотина? Чуть что – шлемофоном об землю... Голубкину отстранили от полетов временно. Понимаете, временно, – перешла она на официальный тон.

Ольга стояла бледная, как белая стена, еле держалась на ногах. Никогда она не чувствовала себя так скверно, как сейчас. В груди опять тоскливо заныло, голова от всех этих пе-

реживаний раскалывалась. Ольга, конечно, не ожидала такого решения. Ее будто лишили опоры, обрезали крылья, и она, потеряв устойчивость, вот-вот рухнет на землю. Ей казалось, что жизнь для нее теряет смысл.

– А если обратиться к генералу? – спросила Ольга с надеждой.

– Звонили. Он на стороне медкомиссии.

– Разрешите мне самой?

– Обращайся, – пожала плечами Звягинцева, – только лишние волнения.

Аня встала рядом с Ольгой.

– И я с тобой... Уж мы добьемся! Уж мы добьемся! – Глаза ее горели гневно и сухо.

Зазвонил телефон. Аня убежала в дом, подала в окно трубку Звягинцевой.

Взяв трубку, словно предчувствуя беду, медленно произнесла:

– Слушаю.

Лицо ее сразу поблекло, глаза потускнели. Она опустила трубку, сдавленно, будто слова застревали в горле, проговорила:

– Басова не вернулась с боевого задания...

Глава четвертая

1

После медкомиссии Ольге разрешили летать на «Дугласе». Этот самолет имел небольшую скорость, был проще в управлении, меньше были перегрузки на летчика в полете, чем на ПЕ-2.

Ольга довольно быстро освоила самолет и уже через два месяца летала на задание. Ее штурман Аня, которая добилась все-таки, чтобы ее оставили с Ольгой, вначале сникла, увидев «Дуглас». Он раздражал ее. Это «воздушная арба», – называла она его презрительно за большие габариты фюзеляжа и малую скорость. Ей хотелось летать на ПЕ-2, на своей «пешечке», как уважительно называли самолет девушки. ПЕ-2 обладал большой скоростью, хорошей маневренностью, и хотя бал строг в управлении и требовал от летчиц высокого летного мастерства, они любили на нем летать и гордились им.

«Дуглас» предназначался для перевозки людей и грузов, как бомбардировщик использовался редко, лишь в начале войны. Но если дело касалось перевозок – он был незаменим. Это был «труженик войны». Летали на нем и к партизанам, доставляя им оружие, боеприпасы, медикаменты, про-

довольствие и вывозя оттуда раненых, больных.

– Ничего, Аннушка, можно летать и на таком самолете, – утешала ее Ольга. – Главное – понимать, что и на этом самолете мы выполняем полезную и важную работу.

Из тыла они доставляли на фронт почту, грузы, а с фронта вывозили раненых.

– Ну что это за полеты? Будто воздушные извозчики! – досадовала каждый раз Аня, видя, как загружают разными ящиками объемный фюзеляж «Дугласа». – Хотя бы разрешили летать к партизанам, а то забудем, как стреляют зенитки.

Ольга в душе соглашалась с ней. Не для того она стала летчицей, чтобы возить эти ящики. Не раз она обращалась к командованию с просьбой перевести их в специальную группу, самолеты которой летали к партизанам. Но ей вежливо отказывали. И тут помог случай. Однажды везли они с фронта в Москву генерала армии. Он был невысокого роста, уже в годах, но плечистый, крепкий. Сопровождал его полковник. Погода стояла неустойчивая: сильный ветер проносил над аэродромом густые темные облака, временами шел мелкий промозглый дождь.

Когда Ольга доложила генералу армии о готовности экипажа к полету, он пристально посмотрел ей в лицо, сказал: «Хорошо», а сам обеспокоенно подумал: «Справится ли она при такой погоде? Неужели нельзя было выделить экипаж поопытнее?». Ольга заметила его обеспокоенность, завери-

ла:

– Все будет в порядке, товарищ генерал армии. В Москву прибудем вовремя.

– А боковой ветерок на взлете не помешает? – все же спросил он осторожно.

– Не помешает, – ответила она.

Сразу после взлета они вошли в облака и весь полет шли в сплошном сером массиве. В облаках ощущалась болтанка, самолет покачивало с крыла на крыло. Иногда он проваливался будто в яму, и Ольга с тревогой думала о пассажирах. Аня сидела на своем рабочем месте, крутила ручку радиокompаса, настраиваясь на наземные радиостанции, снимала радиопеленги, прокладывала их на карте, определяя место самолета. Она старалась делать все аккуратно, внимательно, чтобы не ошибиться в расчетах и вывести самолет точно на аэродром посадки.

«Не хватало еще сбиться с маршрута, осрамиться перед генералом армии. Вот будет позор!» И хотя она была уверена в себе, все же под ложечкой нет-нет да и покалывало, а в сердце заползал неприятный холодок.

Над Москвой шел дождь. Узнав об этом, радист доложил командиру экипажа. Ольга не на шутку встревожилась. Горючего оставалось мало. «Можно, конечно, сесть на запасном аэродроме, под Москвой их много. А если и на запасном такая же погода, тогда куда?»

Когда доложили генералу армии о погоде в Москве, он

заволновался, поговорил о чем-то с полковником, приказал еще раз связаться с аэродромом и узнать обстоятельно метеоусловия. С земли передали, что в ближайшие два-три часа погода не улучшится, будет идти с перерывами дождь, возможна даже гроза. Генерал армии все же принял решение садиться в Москве на центральном аэродроме, положившись на экипаж. В разрыве облаков Ольга увидела аэродром, стала заходить на посадку. Самолет терял высоту медленно, серая вата облаков напозла со всех сторон, скрывая плоскости. Ольга неотрывно смотрела на приборы, удерживая самолет на курсе и глиссаде¹³.

Высотомер показывал уже сто метров, а облака по-прежнему обволакивали «Дуглас» темной массой.

«Снизимся еще метров на тридцать. Если и дальше будут облака, уйдем на запасный аэродром», – решила Ольга. Она вся напряглась, руки слились со штурвалом, ноги – с педалями. Ольга чувствовала малейшее движение самолета. Он подчинялся ей, чутко реагируя на отклонение рулей управления.

Не высоте восемьдесят метров облачность оборвалась, но, как назло, шел сильный дождь, посадочная полоса виднелась

¹³ Глиссада – прямолинейная траектория движения самолета, планера при заходе на посадку. Снижение по глиссаде под углом 0.046—0.087 град (2.64—5.0 град.) к горизонтальной плоскости обеспечивает самолету плавное, скользящее приземление и существенно уменьшает динамическую нагрузку на шасси в момент касания взлетной полосы. Это особенно важно для больших пассажирских авиалайнеров и тяжелых транспортных самолетов.

словно в тумане.

– Будем садиться! – предупредила экипаж Ольга.

Аня тоскливо смотрела на молочный экран дождя и молила о благополучной посадке. За время полета она немало поволновалась: шли в облаках, контролировать выдерживание линии пути было трудно, от напряженной работы лицо горело, а спина взмокла. Ей очень хотелось, чтобы у генерала осталось хорошее мнение об экипаже.

И когда колеса «Дугласа» коснулись бетонки, Аня облегченно вздохнула, с гордостью подумала: «А все-таки Ольга молодец!»

Зарулив самолет на стоянку, Ольга вышла из кабины в салон.

Генерал встал ей навстречу, протянул руку.

– Спасибо за отличный полет. Всем экипажу объявляю благодарность, – сказал он мягко и доброжелательно.

Ольга стеснительно посмотрела ему в лицо, хотела что-то сказать, да замялась.

Генерал заметил ее нерешительность, спросил:

– У вас есть ко мне вопрос?

И Ольга осмелела.

– Есть, товарищ генерал армии. Не вопрос, а просьба.

– Говорите, слушаю вас.

– Помогите нам перейти в авиагруппу, которая обеспечивает партизан.

Широкие брови генерала надломились, он посмотрел на

Ольгу с некоторым удивлением.

– Вы так желаете?

– Очень... – выдохнула Ольга. – Раньше мы летали на ПЕ-2, бомбили, но после ранения меня перевели на этот самолет. А возить почту, грузы... сами понимаете... Хочется настоящей работы.

– Выходит, возить генералов – это тоже, по-вашему, ненастоящая работа? – рассмеялся он и обратился к полковнику: – Ты слышал, Павел Степанович?

– Слышал, – ответил тот, гася улыбку.

– Ну что ж, Ольга Васильевна, – назвал он по имени и отчеству Голубкину, и она приятно удивилась: «Откуда он знает?» – Постараюсь вам помочь. Только ведь летать к партизанам... сами понимаете, – повторил он с усмешкой ее слова «сами понимаете» и уже серьезно добавил: – Опасно. Большой риск.

– Нам чем опаснее, тем лучше, товарищ генерал армии, теперь уже улыбнулась Ольга, и генерал отметил в ее глазах решительность, настойчивость.

– Так и быть, помогу. Павел Степанович, напомните мне об их просьбе, как только вернемся к себе из Москвы.

– Есть, товарищ генерал армии! – ответил полковник. Так была решена судьба Ольги и ее экипажа.

К партизанам они летали только ночью. «Дуглас» был тихоходен, и днем его могли легко сбить зенитки или истребители противника. Конечно, и ночью было небезопасно, но все-таки ночь затрудняла действия и зенитчиков, и истребителей.

Первые вылеты к партизанам прошли более менее благополучно.

Особенно им запомнился седьмой по счету. Взлетели они вечером. Солнце уже скрылось за холмами, но было еще светло, хорошо виднелись и полоса, и лес, окружавший аэродром, и постройки.

К линии фронта подошли на максимально возможной высоте. Внизу полыхали пожары, кое-где темноту вспарывали длинные желтоватые языки реактивных снарядов да короткие ярко-красные всплески артиллерийских залпов.

Сбавив обороты двигателей, Ольга перевела самолет в режим планирования. Этот тактический прием широко использовали наши экипажи при перелете линии фронта: противник работу моторов не слышал, и самолеты пролетали линию фронта в большинстве случаев незамеченными.

Планируя с приглушенными двигателями, самолет углубился в тыл противника, там Ольга вывела «Дуглас» в горизонт, взяла курс в район действия партизанского отряда.

Шли в облаках, поэтому ни прожекторы, ни истребители нащупать их практически не могли.

Выйдя по расчетным данным в предполагаемый район посадки, Ольга стала снижаться. На высоте триста метров самолет вынырнул из облаков, и девушки увидели внизу слабенькие огоньки. Аня жадно всматривалась в ночную темь. Где-то тут находилось озеро, от которого они должны взять курс двести тридцать градусов и лететь пять минут, чтобы выйти в заданный район.

Летая по кругу, Ольга вместе с экипажем искала озеро. Внизу все сливалось в сплошное черное пятно. Изредка темноту разрезали слабенькие лучи-паутинки идущих по дороге машин. Но вот Аня обрадовано сообщила, что видит озеро. Действительно, впереди справа на темном фоне земли выделялось большое светлое пятно.

Они прошли озеро и легли на расчетный курс. Аня засекала время. Через пять минут показался выложенный из костров треугольник. Это был условный знак места посадки. Ольга развернула самолет, пошла на костры. Начало площадки было обозначено двумя спаренными огнями. В створе¹⁴ с ними горел еще костер, указывая направление посадки. С первого захода они сесть не смогли: Ольга затянула снижение, костры остались позади, а самолет все еще имел прилич-

¹⁴ Створ (взлетно-посадочной полосы) – в авиации, продолжающая продольную ось взлетно-посадочной полосы воображаемая линия, на которой располагаются дальняя и ближняя приводные радиостанции.

ную скорость и неся над землей, как встревоженный быстроногий скакун.

Раздосадованная своей нерасчетливостью, Ольга ушла на второй круг. Сделав четвертый разворот подальше от посадочных знаков, она повела «Дуглас» на снижение, и когда огни оказались на траверзе¹⁵ слева, колеса плавно коснулись земли. Подпрыгивая на неровностях грунта, самолет покатился по площадке, теряя скорость.

Не выключая двигатели, они стали ждать партизан. И хотя все сигналы были согласованы заранее и совпадали с предписанными, все же Ольга и другие члены экипажа волновались и тревожились: «А вдруг это провокация, и они сели к врагам?».

Такие случаи были, они знали. Правда редко, но были. Поэтому и не выключали двигатели, чтобы можно было в случае опасности взлететь снова, поэтому и держали наготове пулеметы и автоматы.

Но вот в свете фар показалась фигура всадника. Он помигал фонариком, и Ольга выключила моторы. Они были у своих. Вышли из самолета.

¹⁵ Траверз (фр. *traverse*, от *traverser*, перебежать поперек) – направление, перпендикулярное курсу судна, самолета или его диаметральной плоскости. Соответствует курсовому углу 90°. Если курсовой угол составляет 90° правого или левого борта, он называется траверзом судна. Так и говорят, например, «На траверзе правого борта – маяк». Таким образом, траверз есть у корабля или самолета, но не у предмета. Поэтому встречающиеся у некоторых авторов словосочетания вроде «на траверзе острова...» являются взаимоисключающими терминами.

Всадник спешил, подошел к экипажу, представился. Ольга коротко рассказала ему о грузе, который они привезли, дала список. Он взял лист бумаги, поблагодарил за груз и как бы мимоходом спросил:

– В первом заходе, выходит, промашку дали?

– Промазали... Снижение затянула, – призналась Ольга.

– И правильно сделали, что ушли на второй круг. Площадка наша ограничена, впереди овраг. Садиться надо только в начале полосы, у костра. Иначе можно свалиться в овраг.

– Сколько вам времени надо на разгрузку? – спросила Ольга.

– Думаю, за час управимся.

– Договорились, не больше часа. Линию фронта мы должны пересечь ночью. А времени в обрез.

– Я вас понимаю... – Мужчина направился к лошади. К нему, осадив наскоку коня, подъехали еще двое, о чем-то посоветовались, тут же разъехались в разные стороны, а минут через десять на повозках прибыли партизаны.

Пока они разгружали самолет, Ольга и члены экипажа сидели в стороне, ели бутерброды, пили из термоса чай.

Подошел мужчина, который их встречал, присел рядом.

– Спасибо за груз и газеты. Радости теперь у нас, разговоров! Газеты получаем редко, а тут сразу такая пачка!

Он помолчал, думая, видимо, о своих делах, потом как-то неловко спросил:

– Что там нового, на Большой земле? Как настроение у

народа?

– Новостей много, всех не пересказать. Настроение у народа хорошее. Все понимают: в войне наступил перелом, близится победа. Радуются этому, ждут...

– Да, конец близится, – прикрывая рукой сигарку, проговорил мужчина. – Мы это тоже тут чувствуем... Не успеваем позиции менять. Фашисты отступают, приходится и нам не мешкать, поторапливаться, впереди их отходить на запад. – Он глубоко затянулся, закашлялся, прикрыл рот фуражкой.

– Раненые есть? – спросила Ольга.

– Есть... Человек десять. Возьмете?

– Возьмем. Только не задерживайте.

– Они уже здесь, на подводах.

К Ольге подошел техник самолета, доложил:

– Товарищ капитан, разгрузку заканчиваем, привезли раненых.

– Принимайте их и рассаживайте, – распорядилась Ольга.

– Прилетайте почаще, – сказал им мужчина, растаптывая ботинком окурки. – И побольше оружия, боеприпасов. Рацию тоже не мешало бы нам поновей. Я списочек вот составил самого необходимого. Передайте там. И письма наши на почту снесите. Ну, всего вам доброго.

Он ушел к повозкам. Вскоре обоз тронулся, колеса натужно закрипели по мягкому грунту.

Запустив моторы, Ольга подрулила к догоравшим кострам, чтобы оттуда взлететь против ветра. Самолет набирал

скорость быстро, осенняя густая ночь угнетающе набегала со всех сторон, и лишь тонкий пучок света от фар, выхватывая из темноты узкий клочок земли, помогал летчице ориентироваться на местности. Вот последний удар колесами о грунт, и «Дуглас» плавно взмыл в воздух. Набирая высоту, Ольга посмотрела на восток. Небо там было по-прежнему темно-синим, но у самого горизонта уже светлела узкая розовая полоска.

Полет протекал нормально, зенитки противника молчали, прожекторы не беспокоили, видимо, принимали за своих, тем более что летели они с запада на восток. Уверовав в благополучный исход полета, Ольга уже прикидывала, что надо будет сделать после посадки и отдыха, куда сходить, какой купить подарок ко дню рождения сына.

– Штурман! – позвала она Аню. – Время посадки на «точке»?

– Четыре тридцать, – услышала она спокойный и, как ей показалось, немного сонный голос Ани.

– Ты чего там, Аннушка, сны что ль досматриваешь? Рано... – и передала по СПУ всему экипажу: – Усилить наблюдение за воздухом. Подходим к линии фронта.

«Пусть следят за воздухом, а то совсем расслабились». И тут Ольга заметила, что ровное и монотонное гудение двигателей как-то вроде расстроилось, самолет почему-то стало разворачивать влево. Она попробовала удержать машину от разворота педалями, но самолет заваливался влево все боль-

ше и больше. Бросив взгляд на приборный щиток, Ольга сразу поняла причину ненормального поведения самолета: обороты левого двигателя резко упали, температура масла поднялась выше нормы.

Она прибрала сектор газа левого двигателя, убавила обороты правого, но в этот момент послышался скрежет металла, самолет затрясло, и Ольга выключила левый двигатель совсем.

– Что с мотором? – спросила она техника.

– Заклинило... – проговорил тот обеспокоенно.

– Вижу, что заклинило. А почему?

Техник неопределенно пожал плечами. Ольга, как могла, удерживала самолет от разворота. Положение осложнялось.

– Штурман, когда линия фронта? – Она старалась говорить спокойно, не создавать панику.

– До линии фронта семь минут, – быстро ответила Аня, и в голосе ее уже не было прежней вялости, сонливости.

– Добро... – отозвалась Ольга. – Будем идти на одном моторе, левый вышел из строя.

Планируя с небольшим углом, Ольга создавала благоприятный режим работы для правого двигателя.

«Хорошо, что ночь, нет истребителей. А то туго бы нам пришлось...» – утешительно подумала она, а сама все-таки внимательно и настороженно всматривалась в ночное небо. Но в воздухе было спокойно.

– И зенитки молчат. Спят фрицы. Ночью воевать не лю-

бят. Ночью их... – не успела она договорить фразу, как два прожектора, внезапно прочертив в небе светло-желтые полосы, схватили в свои щупальца «Дуглас». В самолете стало ослепительно светло, как при вспышке фотолампы.

Ольга на мгновение закрыла глаза, бросила машину вниз, стараясь выйти из лучей, потому что за прожекторами должна была последовать стрельба зениток.

Ей удалось выйти из лучей, но она все продолжала под крутым углом планировать к земле, чтобы окончательно запутать прожектористов.

Впереди показались отдельные очаги пожаров. То была линия фронта.

«Наконец-то...» – прошептала Ольга, чувствуя, как влажные руки липнут к штурвалу. Продолжая планировать, она убавила обороты правого двигателя и так же, как ночью, бесшумно проскочила линию фронта.

– Теперь мы дома, теперь мы долетим и сядем... – произнесла она вслух, но ее никто не услышал: шум мотора заглушал разговор в кабине. – Будем садиться на ближайший аэродром, – сказала она по СПУ. – Радист, запроси разрешение на посадку у истребителей. Они тут где-то рядом. Аня, какой к ним курс?

Аня уткнулась в карту, быстро прикинула курс, время полета, тут же сообщила Ольге.

Через несколько минут в предрассветных сумерках они увидели полевой аэродром и благополучно произвели на нем

посадку.

3

Обследовав на земле двигатель, специалисты пришли к заключению, что его надо заменить. Ольга связалась по телефону с командованием своей части, и оттуда привезли на самолете новый двигатель. Техники стали демонтировать мотор, а Ольга и Аня уехали в военный городок.

В летной столовой, куда они зашли пообедать, их встретил знакомый майор из полка, в котором служит Костенко, и сообщил ошеломляющую новость. Неделю назад в полк вернулась Надя Басова со своим штурманом Верой Задорновой, так что версия о их гибели не подтвердилась. Это известие так обрадовало Ольгу и Аню, что они не смогли сдержать слез. Тут же побежали на почту, дали девушкам телеграмму.

А случилось с ними вот что.

Во время разведки заданного района немцев их атаковали истребители, подбили оба мотора. ПЕ-2 стал падать. Надя решила посадить горящий самолет, но под ними находился густой лес, сажать было опасно.

К счастью, лес вскоре кончился, впереди показалось ровное поле. Не выпуская шасси, Надя посадила ПЕ-2 на живот. Моторы горели, пламя подбиралось к плоскостям и фюзеляжу, где размещались бензобаки. Через астролук девушки выбрались наружу, бросились к кабине стрелка-радиста.

Они звали Таню, колотили кулаками по фюзеляжу, но Таня не отзывалась.

Кое-как забрались на самолет. Надя сумела открыть нижний люк, вытащить из кабины Таню. Комбинезон ее был в крови, лицо – мертвенно-бледным, она не подавала никаких признаков жизни. Подхватив Таню, они понесли ее к лесу, подальше от самолета. Пока девушки несли Таню, самолет взорвался, разбросав вокруг горящие дюралевые головешки.

Таня была мертва, пули в нескольких местах пробили грудь. Осторожно подняв ее, понесли в лес. На опушке остановились, положили под густой сосной. Надя упала на колени, прижалась к мертвому лицу Тани, плечи ее затряслись.

– Прости меня, Танюша, не уберегла я тебя... Прости... – шептала она.

Долго стояли они в скорбном молчании над Таней. Потом нашли яму, положили в нее Таню, прикрыли землей, сверху набросали еловых веток, а сами медленно побрели в глубь леса.

Сначала в горячах Вера почти не ощущала боли в левой ноге, а теперь с каждым шагом боль росла и остро отдавалась в сердце.

– Что с ногой? – спросила Надя, заметив прихрамывание Веры.

– Не хотела говорить тебе, ранена я... Полон сапог крови...

– А чего же молчишь? – упрекнула Надя. – Давай посмот-

рю.

Они сели. Вера сняла сапог, задрала штанину комбинезона. Чуть выше колена виднелась рана. Кровь алая, густая, растекалась по ноге. Надя взяла у нее планшет, отстегнула кожаный ремень, сняла с себя нижнюю рубашку, порвала на куски. Затем обмотала тряпкой ногу, перетянула ремнем, забинтовала рану. Кровотечение остановилось.

– Ну вот, все в порядке, – спокойно проговорила она. – Теперь давай сориентируемся, куда держать путь. – Достала из планшета карту, стала уточнять место. – Вот район, который мы фотографировали, – водила она пальцем по карте, – а вот лес. Мы сели на его западной окраине. Значит, находимся примерно здесь. Верно?

– Должно быть так... – согласилась Вера. Она потеряла много крови, лицо ее побледнело.

Сориентировав компас и определив «север – юг», Надя указала рукой:

– Нам туда – на восток.

Лес был густой. Сосны свечой тянулись к небу и, раскачиваемые ветром, уныло шумели.

Вначале они шли быстро, но через полчаса Вера стала отставать.

Надя сочувственно спросила:

– Трудно?

– Ничего... Как-нибудь...

Лицо Веры было потным, дышала она тяжело и часто.

– Давай отдохнем? – предложила Надя.

– Нет, нет... – запротестовала Вера. – Пойдем. Я еще могу...

А часа через два, выбившись окончательно из сил, устало произнесла:

– Не могу больше... – и пластом растянулась на траве. Ноги гудели и ныли, тело было свинцово-тяжелым.

«Надо же было угодить в ногу... Уж лучше бы в руку... На руках не ходить. А теперь вот шкандыляй, мучайся...» – тревожилась она.

Надя немного полежала, потом встала, обошла поляну и вдруг радостно закричала:

– Вера! Ежевика! Да много так!.. Пробирайся ко мне! С момента их вылета прошло уже немало времени, они проголодались и чувствовали тупую ноющую боль в желудке. Бортпаек впопыхах забыли в самолете, с собой, кроме пистолетов и ножей, ничего не было.

Вера с трудом поднялась, заковыляла к Наде. Дымчато-сизые ягоды гроздьями висели на кустах. Они обрывали ежевику, жадно бросали ее в рот. Прошло, наверное, с полчаса, пока они утолили немного голод. Губы и руки от ягод стали черными, будто вымазали их сажей.

На пути им попался ручей. Вода была не особенно чистой, ручеек оказался мелким, заросшим, но они все же напились, утолив жажду.

Солнце клонилось к закату, кое-где перекликались птицы,

деловито долбили кору дятлы, в вечернем лесу веяло сыростью и гарью. И вдруг Надя отчетливо услышала гул машин. Остановились, прислушались.

Да, они не ошиблись: это был гул грузовых машин. Гул нарастал, приближался.

Спрятавшись в густом молодом ельнике, они затаились. В ста метрах проскочила одна машина, за ней – другая.

– Там, наверное, дорога, – шепотом сказала Надя. – Переходить ее опасно, можно нарваться на немцев или полицаев.

– Что же делать? – вскинула усталые глаза Вера.

– Придется ждать темноты. Все равно мы устали, пора отдохнуть.

Вера тут же тяжело опустилась на траву, Надя села рядом.

– Если это дорога, значит, где-то поблизости село или город, – высказала предположение Вера.

– Верно. Только нам с тобой от этого не легче. Нам лучше держаться от сел и деревень подальше.

– А что будем есть, пить?

– Лес прокормит... – Надя достала из кобуры пистолет, вытащила из него обойму, осмотрела ее, снова вставила на место, словно убеждалась, есть ли там патроны. Вера тоже вытащила пистолет, он был совсем еще новенький, она получила его взамен старого накануне вылета.

Покрутила его в руках, довольная, сказала:

– Новенький. Перед вылетом получила... – и засунула пистолет в кобуру.

– Пистолеты есть, патроны есть, ежевика есть... Теперь нам и сам черт не страшен, – весело проговорила Надя.

– Черт-то нам не страшен, с ним бы мы справились, а вот если немцев встретим, тогда нам хана...

– В лес ходить они боятся, напуганы партизанами. Так что спасение наше только в лесу.

Они замолчали, лениво жевали ежевику.

В лесу сгущались сумерки, отчетливее слышались шорохи, крики птиц. Неожиданно поблизости раздался треск ломаемого кустарника.

Они насторожились, замерли. Надя потихонечку отстегнула кнопку кобуры, вытащила пистолет. К кобуре потянулась и рука Веры.

Треск кустов усиливался, приближался. Он был настолько звучным, что казалось, будто через ельник пробирается по крайней мере взвод солдат или танк.

«Если немцы, наши дела плохи, – обожгла Надю тревожная мысль, но она тут же стала утешать себя: – Может, не заметят, пройдут мимо?» – и предупредила Веру:

– Без команды не стреляй.

Летая на бомбежку, воздушную разведку, Надя не испытывала такого страха, как сейчас. Находясь в самолете, она знала, что надо делать в воздухе. Полет захватывал ее, вызывал боевое возбуждение, все она делала уверенно, четко, смело, чувство опасности как-то не касалось ее сознания. Даже сегодня, когда истребители подожгли моторы, На-

дя управляла самолетом спокойно, не испытывала растерянности, смятения, думая лишь об одном: как благополучно посадить горящую машину и спасти экипаж. Если бы даже ее смертельно ранило в воздухе, она знала, что самолет не бросит, прикажет членам экипажа покинуть борт машины, а сама направит ПЕ-2 на врага. Это для нее давно решенный вопрос, и по-другому поступать она себе не мыслила. Но, оказавшись в этом лесу, в тылу врага, Надя вдруг почувствовала себя беспомощной, беззащитной, и ее охватил страх. Может быть, это был и не страх, по натуре она была женщиной смелой, мужественной, а, скорее всего, – минутная растерянность. Растерянность от того, что она до этого в лесу не бывала и не представляла, как вести себя в нем. Огромный лес оглушил ее, подавил своей масштабностью, неизвестностью.

Между тем треск и шум кустарника слышались почти рядом. Они лежали, боясь шелохнуться, готовые слиться с травой, лишь бы только остаться незамеченными. Но вот шум затих, и на небольшую прогалину вышел огромный лось.

– Смотри! – толкнула Надя в бок подругу.

Лось настороженно, беспокойно водил из стороны в сторону большой мордой, почувствовав, очевидно, поблизости людей. Длинные красивые рога его тревожно вздрагивали. Издав резкий звук (возможно, он предупреждал свое стадо об опасности), он скрылся в кустах.

– Лось пришел к нам на свидание, а мы растерялись, –

рассмеялась Надя, укладывая в кобуру пистолет.

– Жених что надо. Красавец... – дрогнули губы Веры в слабой улыбке.

Полежав еще с полчаса, Надя помогла Вере подняться, и они вышли из ельника. В лесу уже густо плавали сумерки, деревья сливались в одну сплошную темно-коричневую массу. Вверху сквозь листья деревьев слабо светили звезды.

К дороге вышли осторожно, постояли, прислушиваясь, нет ли гула машин. Но вокруг было тихо, и они перешли шоссе. Дорога была хорошо накатанная, хотя и проселочная, но широкая и ухоженная. Видно, по ней ездили часто.

Девушки торопливо уходили от дороги подальше в лес. Идти стало труднее, они то и дело натыкались в темноте на деревья, вперед продвигались медленно.

Надя временами поднимала к глазам руку, на которой находился компас, уточняла направление движения.

Изредка с деревьев взлетали испугнутые ими птицы, девушки оторопело останавливались, ждали две-три секунды и шли дальше.

Вера все сильнее опиралась на плечо Нади, боль в ноге отдавалась во всем теле. Она понимала, что доставляет немало хлопот Наде, но что можно было сделать в ее положении? Не оставаться же одной в лесу, да и Надя никогда бы на это не согласилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.